

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Этические основы предварительного следствия»

Студент

Д.Б. Кудзилов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

канд. юрид. наук, доцент, А.В. Закомолдин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Понятие, общая характеристика и нормативное регулирование этических основ предварительного следствия в уголовном процессе России .	9
1.1. Понятие и роль этических основ предварительного следствия	9
1.2. Нормативное регулирование этических основ предварительного следствия	14
Глава 2. Этические основы применения мер процессуального принуждения на этапе предварительного следствия.....	35
2.1. Этические основы применения мер пресечения.....	35
2.2. Этические основы применения иных мер процессуального принуждения	55
Глава 3. Этические основы производства следственных действий на этапе предварительного следствия.....	64
3.1. Этические основы, определяющие общие правила производства следственных действий	64
3.2. Этические основы производства отдельных следственных действий	75
Заключение	95
Список используемой литературы и источников	102

Введение

Актуальность исследования. Конституция Российской Федерации¹ в ст. 2 провозгласила права и свободы человека в качестве высшей ценности, признание, соблюдение и защиту которых берёт на себя в качестве своей обязанности государство.

Таким образом, на конституционном уровне был заложен тот самый нравственно-этический фундамент, который должен находить своё отражение и развитие в отраслевом законодательстве, «обрастая» многочисленными этическими императивами, позволяющими создать прочную основу должного и допустимого в контексте построения действительно правового государства, в качестве которого в ст. 1 Конституции РФ провозглашена Россия.

Тем не менее, как верно отмечается исследователями, «сам факт декларации закрепления за человеком неотчуждаемых прав и свобод – лишь первый шаг на пути их реального обеспечения. Создание условий, способствующих этому процессу на должном государственно-правовом уровне, – задача комплексная и, как следствие, долгосрочная»².

Мораль и право всегда находились и продолжают находиться в неразрывной связи и взаимозависимости. Мораль, через нормы права, обретает силу общеобязательных требований, обеспеченных возможностью применения государственного принуждения, а нормы права, благодаря моральным нормам, обретают нравственное содержание, ибо право не может быть аморальным (по крайней мере в государстве, провозглашающим нравственные начала в качестве базовых ценностей).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

² Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015. С. 1.

Особую роль и наибольшее значение для личности этическая сторона нормативно-правовых предписаний приобретает в той сфере, которая связана с наиболее жёстким применением государственного принуждения в отношении личности (причём, как той, на которую направлено уголовное преследование, так и той, что вовлечена в производство по уголовным делам в ином процессуальном статусе) – сфере уголовно-процессуальной деятельности.

В данном контексте особого внимания заслуживает досудебное производство, а именно стадия предварительного расследования, где роль этических основ максимально велика, учитывая характер и содержание отношений, складывающихся в процессе доказывания. Данный этап производства по уголовному делу характеризуется активным применением мер уголовно-процессуального принуждения и столь же активным вторжением в сферу охраняемых на конституционном уровне прав и свобод личности, что рассматривается в качестве вынужденных мер, которые государство считает возможным применять ради достижения назначения уголовного судопроизводства, которое определено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (УПК РФ) и состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Исследования в данной сфере представляются необходимыми для того, чтобы обеспечить комплексный подход в реализации нравственно-этических начал в уголовно-процессуальной деятельности на досудебном производстве, включая как нормативно-правовое регулирование, так и применение соответствующих положений на практике, при производстве по уголовным делам.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

Отмеченные обстоятельства обуславливают актуальность избранной темы магистерской диссертации.

Степень разработанности темы. Вопросы, связанные с этическими аспектами осуществления процессуальной деятельности в досудебном производстве, находят своё отражение в работах таких отечественных специалистов, как: Баев О.Я., Кобликов А.С., Кондрат И.Н., Корнуков В.М., Лившиц Ю.Д., Россинская Е.Р., Россинский С.Б., Шейфер С.А. и других.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе производства предварительного следствия по уголовным делам.

Предметом исследования выступают процессуальные нормы, регламентирующие этические аспекты процессуальной деятельности в досудебном производстве.

Целью исследования является рассмотрение и анализ этических основ предварительного следствия в отечественном уголовном процессе.

Задачи исследования:

- Сформулировать понятие и определить роль этических основ предварительного следствия;
- Охарактеризовать нормативное регулирование этических основ предварительного следствия;
- Обозначить этические основы применения мер пресечения;
- Проанализировать этические основы применения иных мер процессуального принуждения;
- Дать общую характеристику этических основ, определяющих общие правила производства следственных действий;
- Проанализировать этические основы производства отдельных следственных действий.

Методология исследования предполагает использование метода сравнительного анализа, логико-структурного анализа норм действующего законодательства, логического и аналитического метода.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях обозначенной в магистерской диссертации проблематики, а также при подготовке учебных материалов для учебного процесса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предлагается следующее авторское определение понятия этических основ предварительного следствия, которые можно определить как: систему принципов, основанную на существующих в цивилизованном обществе представлениях о нравственном, определяющую содержание норм, регулирующих производство предварительного следствия по уголовным делам.
2. Сделан вывод о том, что этические основы предварительного следствия определяют нравственные границы уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, обладающих властными полномочиями, в досудебном производстве, а также выступают в качестве гарантий, защищающих личность, вовлечённую в уголовно-процессуальные правоотношения, от возможных злоупотреблений.
3. Представляется целесообразным перечень правоограничений, обозначенных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, дополнить дополнительными запретами, имеющими нравственное содержание, дополнив пунктом 7 и 8 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: «7) употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества; 8) играть в азартные игры».
4. Сделан вывод о том, что в изменении, адекватно расширяющем спектр возможностей подозреваемого (обвиняемого) в совершении

телефонных звонков, нуждается ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ. Данная норма, с учётом дополнения, может выглядеть следующим образом: «Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также в иных случаях, обуславливающих необходимость осуществления телефонного звонка во избежание негативных последствий. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган. Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для общения с должностными лицами стороны обвинения, контролирующим органом, а также защитником.».

5. Высказано предложение о необходимости нормативного закрепления в рамках ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ общего предписания нравственно-этического характера, которое можно распространить на производство любого следственного действия. Данная норма может быть сформулирована следующим образом: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества». При этом, с учётом формулирования общей нормы, распространяемой на любое следственное действие, соответствующий оборот «при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» может быть исключён из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ.
6. Представляется необходимым внесение изменений в ч. 4 ст. 179 УПК РФ, создающих дополнительные этические гарантии, связанные с производством освидетельствования. В предлагаемой

редакции, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. При определении, имеет ли место обнажение в конкретной ситуации, следователю необходимо учесть мнение освидетельствуемого. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого, при наличии согласия освидетельствуемого».

7. Представляется целесообразным в ст. 164 УПК РФ предусмотреть общее положение, ориентированное на производство любого следственного действия, аналогичное тому, что содержится в ч. 7 ст. 182 УПК РФ. Для этого в ст. 164 УПК РФ следует выделить ч. 4.3 следующего содержания: «Следователь принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

Структура исследования. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемых источников.

Глава 1. Понятие, общая характеристика и нормативное регулирование этических основ предварительного следствия в уголовном процессе России

1.1. Понятие и роль этических основ предварительного следствия

Отправной категорией в понимании этических основ что составляют один из базовых элементов построения всей системы норм, регулирующих производство предварительного следствия в современном отечественном уголовном процессе, демократическим по своей природе, является категория «этика», которая была введена в употребление ещё в IV веке до н.э. известным философом прошлого Аристотелем. Данным понятием Аристотель определил учение о добродетели.

«В современном понимании этика – философская наука, изучающая мораль как одну из важнейших сторон жизнедеятельности человека, общества»⁴ - отмечается учёными.

То есть, предметом изучения этики выступают сущностные и структурные составляющие морали в системе общественных отношений.

Мораль же определяется как:

«правила нравственности, а также сама нравственность»⁵;

в свою очередь, категория нравственности понимается как «духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе»⁶;

«понятие, посредством которого в мыслительном и практическом опыте людей вычлняются обычаи, законы, поступки, характеры,

⁴ Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. С. 9.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. С. 310.

⁶ Там же. С. 360.

выражающие высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, сознательное и свободное создание»⁷;

«система принципов и норм, определяющих характер взаимоотношений между людьми в соответствии с принятыми в данном обществе понятиями о добре и зле, справедливом и несправедливом, достойном и недостойном»⁸ и т.д.

Таким образом, мораль, как категория, неразрывно связана с нравственной стороной жизнедеятельности индивидов в цивилизованном обществе.

Очевидно, что мораль выступала и выступает в качестве одного из важнейших регуляторов поведения людей в обществе, наряду с правовым регулированием. Особенностью морали является то, что её действие всеобъемлющее. Мораль пронизывает собой все сферы общественной жизни, включая семейные, бытовые, межличностные отношения и прочие, в отличие от нормативного регулирования, которое затрагивает только наиболее важные сферы социальной жизни, не вторгаясь во многие другие сферы, традиционно находящиеся за пределами правового регулирования.

Однако, правовое регулирование общественных отношений не может и не должно рассматриваться в противоречии с регулированием таких отношений на уровне морали, поскольку и мораль и право выполняют общую для них социальную функцию.

При этом, как отмечается специалистами, «мораль и право – необходимые, взаимосвязанные и взаимопроникающие системы регуляции общественной жизни. Они возникают в силу потребности обеспечить функционирование общества путём согласования различных интересов, подчинения людей определённым правилам»⁹.

⁷ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2007. С. 325.

⁸ Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. С. 1.

⁹ Там же. С. 8.

Как уже было отмечено, мораль и право находятся в постоянном взаимодействии, но говоря о соотношении данных категорий следует отметить, что мораль первична, а право – вторично.

Исходя из этого, правовые предписания не должны противоречить предписаниям моральным. Более того, именно мораль определяет сущность и содержание правовых установлений – многие правовые предписания содержат ни что иное, как нравственные требования, обеспеченные возможностью применения государственного принуждения.

Именно в качестве таковых мы можем рассматривать этические основы предварительного расследования. Исходя из сказанного, этические основы предварительного следствия можно определить как: систему принципов, основанную на существующих в цивилизованном обществе представлениях о нравственном, определяющую содержание норм, регулирующих производство предварительного следствия по уголовным делам.

Закономерно, что чем больше то влияние, которое оказывают соответствующие правовые предписания на важнейшие социальные ценности, тем важнее морально-этические основы таких предписаний.

Не секрет, что, во многом, именно уголовно-процессуальная деятельность характеризуется самым активным и широким использованием императивного метода правового регулирования, который проявлен в деятельности тех субъектов уголовного судопроизводства, которые обладают полномочиями производить обязательные к исполнению властные предписания. Это справедливо не только для отечественной правоприменительной практики, на что указывается зарубежными авторами¹⁰.

¹⁰ Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012; Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010; Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.

Право или обязанность субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, когда применяется императив, возникает в силу обязательного к исполнению публичного предписания закона.

Уголовное судопроизводство отличается «наличием серьезной репрессивной направленности в деятельности государственных органов при производстве по уголовному делу. Это предопределяет сопряженность такой деятельности с существенным вторжением в область прав и свобод личности, а нередко и с вынужденным их ограничением»¹¹ - отмечается И.А. Яшиной.

Действительно, в отличие от других направлений юридической деятельности, именно в рамках уголовно-процессуальной деятельности государством в лице соответствующих должностных лиц, осуществляется существенное ограничение наиболее важных прав и свобод личности. При этом, от итога такой деятельности во многом зависит дальнейшая судьба индивида.

Именно в этих условиях актуализируется широкий спектр нравственных требований, существующих в обществе и предписывающих те границы допустимого, пересечение которых определяет переход от нравственного – к безнравственному, от допустимого – к недопустимому.

В чём особенность императивного метода правового регулирования? Представляется, что данный метод предполагает обязательное участие в возникающих правоотношениях того участника, который действует в рамках своей профессиональной компетенции, предписываемой законом, что в свою очередь, налагает на соответствующее должностное лицо, особую категорию обязанностей этического порядка, что приводит нас к ещё одной категории, неразрывно связанной с этическими основами предварительного следствия – это категория «профессиональная этика».

¹¹ Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. №12. С. 123.

Е.В. Обаева указывает: «профессиональная этика – это совокупность правил поведения определённой социальной группы обеспечивающая нравственный характер взаимоотношений, обусловленных или сопряжённых с профессиональной деятельностью»¹².

Данное понятие имеет непосредственное отношение к тем лицам, к деятельности которых общество предъявляет самые высокие нравственно-этические требования, что позволяет выделять отдельные разновидности профессиональной этики, в зависимости от той социальной группы, на которую распространяются соответствующие нравственные нормы и требования. Интересующей нас, в контексте исследования, разновидностью профессиональной этики является юридическая этика, выделение которой обусловлено спецификой профессиональной деятельности юриста и особенностями нравственного и социального положения данной профессии. Когда же речь идёт о правоприменительной деятельности должностного лица, наделённого властными полномочиями в уголовно-процессуальной сфере – этические требования, предъявляемые к такому представителю юридической профессии, выходят на новый уровень, ведь должностные лица наделены такими полномочиями исключительно для защиты интересов личности, общества и государства от преступных и иных посягательств. Последствия от злоупотребления такими полномочиями в уголовно-процессуальной деятельности, чреватые самыми серьёзными последствиями, что вызывает необходимость, с одной стороны, предъявления самых высоких нравственных требований к должностным лицам, а с другой стороны – создания этических основ осуществления процессуальной деятельности, которые являлись бы гарантиями от возможных злоупотреблений, определяя тем самым, границы допустимого, которые нельзя преступать.

¹² Обаева Е.В. Социокультурный анализ нравственных регулятивов в трансформирующемся российском обществе: дис... канд. социолог. наук. – Ростов н/Д, 2006.

Как представляется, наибольшее число вопросов, связанных с категориями морали, возникает именно на этапе предварительного следствия, поскольку здесь происходит активное применение мер уголовно-процессуального принуждения, осуществляется собирание доказательств посредством производства широкого спектра следственных действий, в ходе чего активно ограничиваются конституционные права и свободы личности и т.д.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что этические основы предварительного следствия определяют нравственные границы уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, обладающих властными полномочиями, в досудебном производстве, а также выступают в качестве гарантий, защищающих личность, вовлечённую в уголовно-процессуальные правоотношения, от возможных злоупотреблений. При этом, данные основы неразрывно связаны с нормами юридической этики.

Сказанное предопределяет значение этических основ предварительного следствия в отечественном уголовном процессе, что предполагает в первую очередь, комплексное рассмотрение вопросов нормативной регламентации этических основ предварительного следствия.

1.2. Нормативное регулирование этических основ предварительного следствия

Безусловно, без соответствующего нормативного закрепления, ни одно этическое правило не могло бы претендовать на роль основы предварительного следствия. Соблюдение и исполнение этических установлений должно быть обеспечено в рамках целостного комплекса норм, которыми осуществляется регламентация и регулирование уголовно-процессуальной деятельности.

Поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», этические основы предварительного следствия также определены в нормах УПК РФ.

Как представляется, анализируемые нами этические основы предварительного следствия обладают свойством относительной стабильности, поскольку только таким образом можно обеспечить стабильность всего комплекса нормативных предписаний, основанных на них. В этом смысле этические основы предварительного следствия соотносятся с нормами-принципами уголовного судопроизводства, под которыми понимаются:

«правовые положения, определяющие наиболее существенные черты, характер и особенности уголовного судопроизводства»¹³;

«положения, которые определяют демократическую природу, построение всей системы уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивая успешное решение задач по борьбе с преступностью, охране прав и законных интересов граждан»¹⁴.

Принципы уголовного судопроизводства являются смежной категорией относительно этических основ предварительного следствия, поскольку в ряде норм-принципов уголовного судопроизводства, обозначенных законодателем в главе 2 УПК РФ, содержатся положения, определяющие нравственные составляющие осуществления предварительного следствия, однако таковыми являются не все нормы-принципы вышеназванной главы, а только некоторые из них. При этом, этические основы предварительного следствия выходят за пределы норм-принципов, так как этические требования включены законодателем в самые разные статьи УПК РФ.

¹³ Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. В.И. Радченко. – М.: Юстицинформ, 2006.

¹⁴ Манова Н.С. Уголовный процесс. Курс лекций. – М.: Эксмо, 2010. С. 30.

Таким образом, представляется, что нормативное закрепление этических основ предварительного следствия на законодательном уровне осуществлено на двух уровнях процессуальных норм:

1. Нормы-принципы уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства»);
2. Нормы, регулирующие отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия (нормы части 1 УПК РФ «Общие положения» (за исключением гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства»); нормы части 2 УПК РФ «Досудебное производство»).

При этом, первая категория этических основ обладает большим смысловым объёмом и определяет наиболее важные и общие ориентиры нравственного построения процессуальной деятельности должностных лиц в предварительном следствии, а вторая категория этических основ, обозначенная в иных главах части 1 и части 2 УПК РФ более конкретизирована – эти положения имеют более узкое содержание и определяют нравственные границы процессуальной деятельности должностных лиц, применительно к отдельным уголовно-процессуальным процедурам.

Возьмём данную классификацию норм, регулирующих этические основы построения предварительного следствия, за основу при рассмотрении соответствующих нравственных предписаний.

Какие же именно принципы уголовного судопроизводства, с учётом сказанного выше, мы имеем возможность в полной мере считать этическими основами уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия?

Принципы уголовного судопроизводства, с учётом их базового, основополагающего характера, берут своё начало в нормах Конституции РФ – другими словами, они являются развитием и уточнением, применительно к

уголовно-процессуальным отношениям, ряда важнейших конституционно-правовых положений.

Как замечает А.С. Таран, «базовые нормы, определяя круг прав, которые особенно важны для человека при осуществлении уголовного судопроизводства, устанавливая дополнительные государственные гарантии их защиты, защищают его тем самым от произвола отраслевого законодательства»¹⁵.

Если исходить из максимально широкого подхода к пониманию нравственных категорий, то к этическим основам предварительного следствия мы можем отнести положения практически каждой из норм главы 2 УПК РФ, но при таком подходе представляется крайне затруднительным разграничить между собой принципы уголовного судопроизводства и этические основы предварительного следствия, так как столь широкий взгляд на этические составляющие не позволяет нам избежать смешения анализируемых категорий. Соответственно, анализ содержания главы 2 УПК РФ с ориентиром на более узкий подход к пониманию нравственных категорий, приводит к выводу о том, что в качестве таковых мы можем обозначить следующие нормы-принципы:

1. Законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ);
2. Уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);
3. Неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ);
4. Неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ);
5. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ);

Их особенностью является то, что положения данных норм-принципов, содержащие в себе этические основы производства предварительного следствия, развиваются и детализируются в нормах, регулирующих

¹⁵ Таран А.С. Вопросы непосредственного применения судами Конституции РФ для защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2. – Тольятти, 1998. С. 79.

отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия.

Проанализируем более подробно данные нормативные положения с позиций этики производства предварительного расследования.

1. Законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ);

Задача реализации в России идеи правового государства невозможна без обязательного соблюдения требований законности. Данная категория является действительно базисной, в силу чего такого рода требование относится не только к уголовному процессу, но и к любой иной социально-значимой деятельности.

Не случайно, как отмечается специалистами, «особое значение отводится принципу законности, который приобретает форму наивысшей ценности – становится основным принципом уголовного процесса, и вместе с тем имманентным условием реализации других процессуальных принципов; способствует решению задач уголовного судопроизводства»¹⁶.

Данный принцип уголовного судопроизводства многие исследователи называют универсальным общеправовым принципом¹⁷, что, конечно же, не случайно, поскольку идея следования требованиям законности пронизывает собой всю правовую материю, независимо от того, о какой отрасли права идёт речь.

Основополагающая идея законности закреплена относительно уголовно-процессуальной деятельности в ст. 7 УПК РФ. Законность реализации властных полномочий на любом его этапе уголовного процесса,

¹⁶ Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. №12. С. 123.

¹⁷ Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2004; Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. №12 и др.

включая предварительное следствие, означает, что при осуществлении процессуальных действий и при принятии властных решений «суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу» (ч. 1 ст. 7 УПК РФ).

Как верно пишут некоторые авторы, «закон обязателен для всех субъектов процесса. Но нарушение принципа законности государственными органами и должностными лицами, на которых возложена обязанность осуществления уголовно-процессуальной деятельности, приводит к тому, что к ним могут быть применены различные санкции. Кроме того, нарушение норм УПК РФ при производстве по делу влечет признание недопустимыми полученных доказательств»¹⁸.

Действующее законодательство, включая уголовно-процессуальное, априори, должно полностью соответствовать морально-нравственным нормам, как следствие первичности последних.

Действующий УПК РФ, будучи основанным на нормах Конституции РФ, является демократическим по своей сути, что является естественным в контексте ориентации законодателя на построение правового государства. Исходя из этого, следование предписаниям действующего закона, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, должностные лица следуют и общепринятым нормам морали, ибо в противном случае их действия и решения были бы аморальными и безнравственными.

Действительно, нормы УПК РФ содержат многочисленные положения, создающие гарантии от необоснованного ограничения конституционных прав и свобод личности, имеющих значительную этическую составляющую, что создаёт для должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность (в том числе в досудебном производстве), обязательный к

¹⁸ Манова Н.С. Уголовный процесс. Курс лекций. – М.: Эксмо, 2010. С. 37.

исполнению императив следования всем предусмотренным процедурам как по форме, так и по их содержанию.

Сказанное даёт нам все основания считать закреплённый в ст. 7 УПК РФ принцип законности – одной из первичных этических основ предварительного следствия.

В науке высказывается мнение о том, что «в нормах УПК РФ прямо не закреплён приоритет принципа законности над другими правовыми принципами и обычными нормами права для правоприменительной деятельности не только суда, но и органов, осуществляющих предварительное расследование и надзор за производством по делу. Отсутствие такого приоритета означает отсутствие законодательного закрепления требования о соответствии содержащихся в УПК РФ норм права этому принципу, в том числе при их реализации. В законодательстве также ничего не сказано о последствиях несоответствия таких норм принципу законности, его нарушения. Тем самым базовый принцип остается по большей части декларативным и его приоритетный праворегулятивный потенциал не реализуется»¹⁹.

В качестве способа решения данной проблемы, автор предлагает нормативно закрепить приоритетную роль обозначенного принципа.

Тем не менее, содержательно законодатель указывает в ст. 7 УПК РФ на недопустимость нарушения норм уголовно-процессуального закона и последствия нарушений, что не позволяет в полной мере согласиться с озвученным выше утверждением, хотя, конечно же, реальное претворение в жизнь идеи неукоснительного следования требованиям закона являлось и продолжает являться проблемой.

¹⁹ Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. №12. С. 124.

2. Уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);

Честь и достоинство личности выступают в качестве важнейших нравственных категорий, что предопределяет отнесение принципа, закреплённого в ст. 9 УПК РФ к числу этических основ предварительного следствия.

Категории «честь» и «достоинство» неразрывно связаны, представляя собой различные виды морального отношения к индивиду.

В этике честь понимается как «моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, когда моральная ценность личности связывается с моральными заслугами человека»²⁰; «достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности; хорошая, незапятнанная репутация»²¹.

Достоинство – это «особое моральное отношение к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, основанное на признании ценности человека как личности»²².

То есть, достоинство имеют все члены общества, что предполагает равное отношение ко всем людям без исключения, основанное на фундаментальных неотчуждаемых качествах личности.

В отличие от категории «достоинство», категория «честь» связана с дифференцированным подходом к оценке ценности личности, исходя из поведения индивида, его нравственно-духовных качеств, отношения к себе и окружающим и т.д.

Законодатель, применительно к уголовно-процессуальной деятельности, в рамках ст. 9 УПК РФ развивает идею уважения чести и достоинства личности, устанавливая запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое

²⁰ Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. С. 18.

²¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. С. 766.

²² Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. С. 18.

достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья (ч. 1 ст. 9 УПК РФ).

При этом, законодатель в ч. 2 ст. 9 УПК РФ особо подчёркивает недопустимость такой формы нарушения данного принципа, как применение пыток, насилия, а также другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.

Обозначенная норма основывается на положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, в соответствии с которыми достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. При этом, в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, законодатель, равно, как и в ч. 2 ст. 9 УПК РФ, подчёркивает, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Такая форма унижающего человеческое достоинство обращения является, как правильно указывается специалистами «тягчайшим нарушением требования закона об уважении чести и достоинства участников уголовного судопроизводства»²³.

В этой связи необходимо упомянуть требования, содержащиеся в международно-правовых документах – в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г.²⁴, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г.²⁵, Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство

²³ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017.

²⁴ «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.

²⁵ «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (Заключена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.

обращения или наказания от 26.11.1987 г.²⁶, которая была ратифицирована в Российской Федерации лишь более десяти лет спустя²⁷.

Примечательно, что в самом наименовании двух вышеназванных конвенций содержится такая характеристика рассматриваемого противоправного обращения с личностью, как «бесчеловечное обращение», что указывает на крайнюю степень недопустимости такого нарушения.

Понятие пытки содержится в обозначенной выше Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.: «определение "пытка" означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия»²⁸ (ст. 1).

Современные реалии правоприменительной практики позволяют констатировать, что в практике производства предварительного следствия по-прежнему имеют место факты применения пыток и иного грубо нарушающего принцип уважения чести и достоинства личности обращения.

«До сих пор не изжиты случаи применения к подозреваемым и обвиняемым психического или физического насилия для получения

²⁶ «Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» (ETS №126) (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. №12.

²⁷ Федеральный закон от 28.03.1998 г. №44-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. №13. Ст. 1466.

²⁸ «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (Заключена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.

признательных показаний. Угрозы и шантаж, физическое воздействие, избиения, издевательства и даже пытки стали привычным явлением нашей следственной практики»²⁹ - отмечается исследователями.

Несмотря на всю очевидную абсурдность, отдельные авторы, например А.С. Александров, полагают, что «пытка есть элемент культуры (искусства) уголовного судопроизводства в современной России» и «надо продумать систему мер по упорядочиванию применения пыток (поскольку говорить о ликвидации пытки в создавшихся условиях очевидно нереально) ... Процессуалисты могут сколько угодно писать в своих работах о защите прав человека и гражданина, а в повседневной деятельности правоохранительных органов пытали, пытаются и будут пытаться»³⁰.

Из имеющихся негативных реалий А.С. Александров делает вывод о том, что раз «реформировать порядок досудебного производства и собирания доказательств все равно не получается, предлагаемое является единственным выходом из создавшейся ситуации: лучше упорядочить существующее явление, чем делать вид, что его вообще не существует»³¹.

Подобный подход, безусловно, не выдерживает никакой критики, однако, рациональное зерно в приведённых словах есть: практика пыток действительно не искоренена, но это отнюдь не означает, что всяческие попытки противодействия этому явлению тщетны. Это было бы равнозначно выводу о том, что раз преступность неискоренима, а являет собой часть объективной социальной действительности, значит ей не следует противодействовать.

Обозначенная в ст. 9 УПК РФ этическая основа производства предварительного следствия находит своё отражение в ряде иных норм УПК РФ, о чём будет сказано в дальнейшем при анализе этических основ,

²⁹ Смолькова И.В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. №6. С. 11.

³⁰ Александров А.С. Пытка как неотъемлемое свойство российского уголовного судопроизводства. URL: http://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=News&file=article&sid=254

³¹ Там же

закреплённых в нормах, регулирующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия.

3. неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ)

Принцип неприкосновенности личности, который нормативно закреплён в ст. 10 УПК РФ является одним из важнейших конституционных принципов уголовного судопроизводства, содержащий в себе этическую основу предварительного следствия в виду того, что положения обозначенной нормы устанавливают этические рамки тех ограничений, которым может быть подвергнута личность в связи с задержанием или заключением под стражу (ч. 1 и 2 ст. 10 УПК РФ). Кроме того, в ч. 3 ст. 10 УПК РФ законодатель определяет содержание лиц задержанных, или заключённых под стражу лишь в условиях, исключающих угрозу жизни и здоровью такого лица.

«Неприкосновенность личности – процессуальный институт, представляющий собой совокупность юридических норм, регламентирующих свободу личности, ее ограждение от незаконного и необоснованного задержания, ареста, иных мер принуждения, ограничивающих неприкосновенность личности»³² - отмечается отдельными авторами.

«Принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего

³² Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017.

развития человека. Именно поэтому Конституция Российской Федерации допускает возможность его ограничения лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, в установленном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права»³³ (п. 2) – говорит Конституционный Суд РФ в одном из Постановлений.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, указывает на следующий важный момент: «право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке»³⁴.

Сказанное, в контексте применения к подозреваемым и обвиняемым мер пресечения, предполагает, что государство в лице правоприменительных органов осуществляет ограничение прав и свобод личности лишь в той мере, в какой необходимо обеспечить возможное противодействие со стороны лица осуществлению предварительного следствия.

Ограничение свободы лица, являющегося в силу презумпции невиновности невиновным до вступления в законную силу обвинительного приговора, возможно в целях обеспечения всестороннего, объективного и своевременного расследования и разрешения уголовного дела, надлежащей защиты интересов потерпевших, общества и государства. В этом смысле, как верно пишет Л.Л. Зайцева, совершенно недопустимы стереотипы прошлого в

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 г. №27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 2011. №51. Ст. 7552.

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (преамбула) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. №2.

сознании многих правоприменителей, когда превалирует отношение к подозреваемому и обвиняемому как к заведомо виновному³⁵.

В науке высказывается мнение о том, что законодатель не вполне правильно определил название ст. 10 УПК РФ, заложив в норму гарантии личной свободы, а не личной неприкосновенности³⁶.

Отдельные специалисты, например О.З. Челохсаев, по данному вопросу высказывают мнение относительно необходимости использования узкого подхода к пониманию неприкосновенности в уголовном судопроизводстве как непосредственного прикосновения к человеку, т.е. физиологическому существу, его физическому телу³⁷.

«Совокупность закрепленных в статье 10 УПК норм, именуемых принципом неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, в действительности не провозглашает недопустимость "прикоснуться" к лицу, обвиняемому или подозреваемому в преступлении»³⁸ - отмечается по данному вопросу.

Такой сущностный подход обусловлен наличием в уголовном процессе следственных действий, которые сопряжены с ограничением права на физическую неприкосновенность (личный обыск, освидетельствование). По этой причине высказанное выше мнение представляется интересным, поскольку позволило бы законодателю, формулируя правило о неприкосновенности личности, обратить внимание и на эти аспекты деятельности правоприменителя.

³⁵ Зайцева Л.Л. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 9 - 12 ноября 2017 г.). Минск, 2017. С. 109

³⁶ Машинская Н.В. Право на неприкосновенность личности в современном уголовном судопроизводстве: содержание и пределы действия // Адвокатская практика. 2018. №6. С. 15.

³⁷ Челохсаев О.З. Некоторые проблемы правовой регламентации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. №12. С. 18-20.

³⁸ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017.

4. Неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ)

Неприкосновенности жилища рассматривается не только в качестве уголовно-процессуального принципа и одной из этических основ осуществления предварительного следствия, но и имеет отношение к ряду общепризнанных принципов международного права (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека³⁹, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴⁰, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴¹).

В российском законодательстве основа рассматриваемого принципа изложена в Конституция РФ: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» (ст. 25).

Таким образом, в ст. 12 УПК РФ законодателем произведена регламентация данного конституционного положения в контексте производства по уголовному делу и обозначены пути обеспечения соблюдения данного принципа с использованием того «арсенала», который находится в распоряжении должностных лиц.

По сути дела, в ст. 12 УПК РФ изложена сама основа защиты конституционного права граждан на неприкосновенность жилища – более подробная регламентация этой самой основы произведена законодателем уже в иных нормах УПК РФ, в том числе, в нормах, посвящённых производству предварительного следствия.

Отнесение рассматриваемой нормы к числу этических основ связано с тем, что при проникновении должностных лиц в жилище лица «подвергается

³⁹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

⁴⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №12.

⁴¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней. Принята Советом Европы 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.

ограничению не только непосредственное право на неприкосновенность жилища, но и создается угроза неприкосновенности частной жизни, сохранности личной или семейной тайны»⁴².

Действительно, рассматриваемое положение неразрывно связано с положениями ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, посвященными неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

То есть, содержание неприкосновенности жилища должно рассматриваться во взаимосвязи с более общим аспектом, имеющим сугубо этическое содержание – вторжение в личную и семейную тайну лица, в чём жилище производятся следственные действия, а также членов его семьи, которые вообще, априори, не имеют отношения к преступному деянию, обусловившему осуществление уголовно-процессуальной деятельности.

С учётом положений ст. 12 УПК РФ, следственные действия, производимые на этапе предварительного следствия и сопряжённые с ограничением неприкосновенности жилища, производятся с соблюдением гарантий законности, обоснованности и соразмерности обозначенных ограничений, которые дифференцированы в зависимости от того о каком следственном действии идёт речь. Если необходимо произвести осмотр в жилище гражданина – с учётом минимального вторжения в охраняемую Конституцией РФ сферу, такое следственное действие может производиться без получения судебного решения по согласию проживающих в жилом помещении лиц. Без согласия проживающих лиц следственный осмотр в жилище может иметь место только при наличии санкционирующего судебного решения, поскольку только суд обладает в данном направлении исключительной, отсутствующей у любого другого государственного органа, компетенцией. Именно судебная власть в анализируемых правоотношениях выступает гарантом законности и обоснованности ограничения

⁴² Чернышев М.А. Актуальные вопросы осмотра места происшествия в жилище // Актуальные проблемы российского права. 2008. №2.

конституционных прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам.

«Обыск и выемка в жилище могут производиться только на основании судебного решения (независимо от согласия лиц, проживающих в жилище) (ч. 2 ст. 12 УПК). Остальные процессуальные действия, производство которых сопряжено с ограничением неприкосновенности жилища (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, допрос, предъявление для опознания, освидетельствование, очная ставка, контроль и запись телефонных и иных переговоров и др.), производятся либо с согласия лиц, проживающих в жилище, либо на основании судебного решения»⁴³ - пишет Т.Ю. Вилкова.

Следует отметить, что неприкосновенность жилища, как этическая гарантия от незаконного и необоснованного вторжения в частную жизнь, применима по мнению законодателя лишь к тем лицам, которые занимают соответствующие жилые помещения на законных основаниях, что может быть подтверждено наличием соответствующих документов (договор аренды жилого помещения, свидетельство о государственной регистрации права собственности и т.д.). Данная оговорка имеет большое значение, поскольку видится справедливым не предоставление гарантии неприкосновенности жилища тому лицу, которое само, в нарушение правовых, а также, как следствие в данном случае, этических норм, занимает некое жилое помещение незаконно.

Так, надзорная инстанция признала приговор суда первой инстанции законным, обоснованным, а надзорную жалобу не подлежащей удовлетворению в силу того, что «доводы осужденного Г. о том, что осмотр квартиры, в ходе которого был изъят кухонный нож, проведен незаконно, без его разрешения, несостоятельны, поскольку, как видно из представленных

⁴³ Вилкова Т.Ю. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2015. №2. С. 105.

материалов, потерпевшая с ребенком постоянно проживала в данной квартире, в связи с чем на основании ч. 1 ст. 12 УПК РФ имела право дать согласие на проведение осмотра»⁴⁴.

5. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ)

Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений является одним из элементов гарантированного ч. 1 ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) и в соответствии с решением Конституционного Суда РФ «означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер»⁴⁵.

Безусловно, анализируемые положения ст. 13 УПК РФ являют собой одну из этических основ производства предварительного следствия.

Какая же именно информация должна входить в содержание анализируемого предписания, гарантирующего защиту интересов личности от незаконного и необоснованного вторжения в его частную жизнь?

На этот счёт есть соответствующая правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в приведённом выше Определении: «информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской

⁴⁴ Постановление Московского городского суда от 16.07.2010 г. №4у/2-5067 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

⁴⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. №345-О «По жалобе гражданки Бегченковой Ольги Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи»⁴⁶.

При этом, получение информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами стала относиться к числу санкционируемых судом следственных действий сравнительно недавно – с введением такого следственного действия в виде ст. 186.1 УПК РФ принятым Федеральным законом от 01.07.2010 г. №143-ФЗ⁴⁷.

Несмотря на то, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не содержит информации о содержательной стороне общения абонентов в ходе таких соединений, поскольку речь идёт лишь о, так называемой, «детализации звонков», тем не менее, законодатель совершенно оправданно отнёс такого рода информацию к разряду входящей в тайну частной жизни. Это обусловлено тем, что сам факт наличия контактов одного абонента с другим абонентом, сведения о периодичности и продолжительности таких контактов, является личной тайной абонента и доступ к такой информации должен предполагать судебное санкционирование.

«Абсолютной тайны переписки в международном праве, как и в российском конституционном праве, не существует. Право на тайну корреспонденции входит в более широкое понятие частная жизнь, но и тайна частной жизни ни в одной правовой системе не абсолютна, в отличие, например, от запрета пыток, который абсолютен. Это значит, что при

⁴⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. №345-О «По жалобе гражданки Бегченковой Ольги Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

⁴⁷ Федеральный закон от 01.07.2010 г. №143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. №27. Ст. 3427.

определенных условиях государство может наложить ограничения на реализацию этого права»⁴⁸ - отмечается некоторыми авторами.

Как и в иных случаях, когда речь идёт о необходимости ограничения конституционного права личности, гарантом законности такого ограничения выступает суд, который вправе санкционировать производство таких следственных действий, связанных с анализируемым предписанием, как наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Соответственно, развитие и детализация этической основы предварительного следствия, изложенной в ст. 13 УПК РФ произведено законодателем в нормах, посвящённых производству вышеназванных следственных действий.

Таков краткий анализ норм-принципов уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства»), отнесённых нами к первому уровню нормативного закрепления этических основ предварительного следствия.

Что же касается второго уровня нормативного закрепления основ такого рода – норм, регулирующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия (норм части 1 УПК РФ «Общие положения» (за исключением гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства»); норм части 2 УПК РФ «Досудебное производство»), то эти положения условно можно разделить на следующие подкатегории:

1. Этические основы применения мер процессуального принуждения на этапе предварительного следствия, среди которых целесообразно

⁴⁸ Дедов Д., Якушев М., Белов С., Головкин Л., Богуш Г., Балытников В., Соболева А., Секретарева Н., Коротеев К. Блокировка Telegram в России: как обеспечить тайну переписки? // Закон. 2018. №4. С. 18.

выделить этические основы применения мер пресечения и этические основы применения иных мер процессуального принуждения;

2. Этические основы производства следственных действий на этапе предварительного следствия, среди которых целесообразно выделить этические основы, определяющие общие положения производства следственных действий и этические основы производства отдельных следственных действий.

Подобная логика классификации этических основ предварительного следствия второго уровня нормативного закрепления диктует необходимость их более подробного анализа в рамках отдельных глав данного исследования.

Глава 2. Этические основы применения мер процессуального принуждения на этапе предварительного следствия

2.1. Этические основы применения мер пресечения

Как следует из концептуальных основ уголовно-процессуальной деятельности, именно в процессе реализации властных полномочий субъектов уголовного судопроизводства возможно применение различных по своему характеру и содержанию мер уголовно-процессуального принуждения, разновидностью которых являются меры пресечения, включённые законодателем в главу 13 УПК РФ.

В контексте применения властными субъектами мер пресечения наиболее ярко проявлена взаимосвязь двух начал российского уголовного судопроизводства: публичного и частного. С одной стороны, избрание меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) в досудебном производстве по уголовному делу обозначено необходимостью должного обеспечения возможности реализации назначения уголовного процесса, а с другой — это в определённой мере противоречит интересам личности в недопустимости ограничения ее прав и свобод. Данное противоречие обуславливает необходимость найти компромиссное решение с целью установления баланса интересов личности, общества и государства в уголовном процессе.

Вопросы, связанные с применением государственного принуждения в связи с производством по делам о преступных посягательствах, поднимаются и в работах зарубежных специалистов⁴⁹.

Значительную составляющую в данном вопросе представляет собой нравственно-этическая сторона, обуславливающая этические границы

⁴⁹ Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008; Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002; William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.

допустимого превентивного воздействия, оказываемого на личность, вовлекаемую в сферу уголовно-процессуальных отношений.

В первую очередь, необходимо сформулировать определение понятия мер пресечения.

Меры пресечения, как следует из расположения главы 13 УПК РФ в разделе IV «Меры процессуального принуждения», являются разновидностью мер уголовно-процессуального принуждения.

С.Б. Россинский отличительными особенностями мер уголовно-процессуального принуждения считает следующее: «1) они могут быть предусмотрены только уголовно-процессуальным законодательством и применяются только в рамках уголовного судопроизводства; 2) могут быть применены только к участникам уголовного судопроизводства, чье ненадлежащее поведение создает или может создавать препятствия для расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также для решения иных задач уголовно-процессуальной деятельности; 3) могут применяться только на основании решений субъектов уголовной юрисдикции. Правом избрания наиболее строгих мер принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы, обладает только суд; 4) решение о применении любой меры уголовно-процессуального принуждения оформляется соответствующим уголовно-процессуальным документом»⁵⁰.

Применение мер уголовно-процессуального принуждения предполагает наличие у соответствующего участника уголовного судопроизводства властных полномочий, что и обуславливает возможность реализации от лица государства принуждения, как такового. По этой причине в качестве таковых участников могут выступать лишь органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство и на которых распространяются требования профессиональной этики.

⁵⁰ Россинский С.Б. Уголовный процесс России: Курс лекций. - М., 2007. С. 168.

Принудительная сущность мер уголовно-процессуального принуждения проявляется в том, что применение анализируемых мер не находится в зависимости от желания и воли субъектов, к которым они применяются.

Производимое правоограничение при этом всегда сопряжено ограничением различных прав индивида: личных, имущественных, социальных, включая физическую неприкосновенность, свободу передвижения и выбора занятий, а также иные конституционные права и свободы личности.

В связи с наличием обозначенной выше составляющей, законодателем в рамках УПК РФ предусмотрен комплексный механизм гарантирования соблюдения должностными лицами комплекса этических основ, ограждающих личность от незаконного и необоснованного правоограничения.

Меры пресечения, как разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, обладает рядом характеристик, позволяющих нам выделить их из общего контекста мер уголовно-процессуального принуждения.

В частности, меры пресечения могут применяться только к определенным участникам уголовного судопроизводства, к которым относятся обвиняемый и подозреваемый – участники, на которых направлено уголовное преследование.

Некоторые авторы выделяют двойственность природы мер пресечения.

Как верно отмечает С.И. Вершинина «обозначив превентивные по сущности меры в качестве "мер пресечения", т.е. мер, пресекающих противоправные деяния, законодатель допускает их использование и в целях прекращения ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого. Наряду с превентивным характером меры пресечения характеризуются их

направленностью на прекращение противоправного поведения обвиняемого»⁵¹.

«Меры пресечения применяются только уполномоченными уголовно-процессуальным законом органами и должностными лицами при наличии оснований и в строго установленном законом порядке. Строгая регламентация законом является качественным признаком понятия мер пресечения, которое, в отличие от собирательного, обобщенного понятия мер уголовно-процессуального принуждения, носит конкретный, определенный характер»⁵² - указывается в науке.

Субъектами применения мер пресечения являются следователь, дознаватель и суд (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). При этом, применить отдельные наиболее строгие меры пресечения может исключительно суда.

Анализ основных признаков мер пресечения даёт нам возможность сформулировать следующее определение:

Меры пресечения – это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые дознавателем, следователем, судом при наличии оснований и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом, к обвиняемому (в исключительных случаях - к подозреваемому) с целью предотвращения возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, предупреждения или пресечения его преступной деятельности, нейтрализации или устранения неправомерного противодействия обвиняемого (подозреваемого) производству по уголовному делу и обеспечения исполнения приговора.

Какие же именно процессуальные нормы мы вправе рассматривать в качестве этических основ применения мер пресечения в досудебном производстве?

⁵¹ Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. №6. С. 115.

⁵² Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12. С. 184.

Анализ нормативных положений главы 13 УПК РФ приводит к выводу о том, что этическая составляющая присутствует в целом ряде норм, касающихся избрания мер пресечения, а также нормативной регламентации применения отдельных мер пресечения.

В ст. 99 УПК РФ законодатель обозначил обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения дознавателем, следователем, а также судом в пределах предоставленных им полномочий.

К числу таковых относятся: также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Отдельные обстоятельства, перечисленные законодателем в вышеназванном перечне, содержат в себе морально-нравственную составляющую – например, сведения о личности, которые могут включать в себя сведения о его положительных с точки зрения морали, или же наоборот отрицательных качествах, характеризующих подозреваемого или обвиняемого.

К числу отрицательных моральных характеристик можно отнести: наличие судимости, наличие пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.), проявление социальной агрессии, факты нарушения лицом норм административного законодательства, регулирующего правила общественного порядка и общежития и т.д.

К числу положительных моральных характеристик можно отнести: отсутствие вышеназванных негативных характеристик, наличие социально-значимых заслуг (наличие учёной степени, государственных наград и поощрений и т.д.)

Возраст также должен учитываться при разрешении вопроса об избрании конкретной меры пресечения. В первую очередь, данный критерий должен быть учтён правоприменителем в том случае, если подозреваемый или обвиняемый является несовершеннолетним. Законом, например,

предусмотрены обстоятельства, препятствующие применению в отношении несовершеннолетнего меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 2 ст. 108 УПК РФ).

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указал следующее: «В силу требований статьи 423 УПК РФ при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого суду следует обсуждать возможность отдачи его под присмотр. Исходя из конкретных обстоятельств дела, тяжести преступления и с учетом данных о личности несовершеннолетнего, об условиях его жизни и воспитания, а также об отношениях с родителями судье на основании статьи 105 УПК РФ надлежит обсуждать возможность применения такой меры пресечения, как присмотр за несовершеннолетним родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а за несовершеннолетним, находящимся в специализированном детском учреждении, - присмотр должностных лиц этого учреждения»⁵³ (п. 11).

Очевидно, что как законодатель, так и Пленум Верховного Суда РФ считают неэтичным применение самых жёстких превентивных средств в отношении несовершеннолетних, допуская это лишь в исключительных случаях.

Однако, важную роль при избрании конкретной меры пресечения может иметь не только несовершеннолетний, но престарелый возраст подозреваемого или обвиняемого. Правоприменитель также может учесть этот аспект в качестве определяющего в пользу избрания более мягкой меры пресечения. С данным критерием связан критерий, именуемый «состояние здоровья» в ст. 99 УПК РФ. Очевидно, что применение жёстких

⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2014.

правоограничений, способных негативно сказаться на ослабленном здоровье подозреваемого (обвиняемого) не может являться нравственным, в силу чего указание законодателя на данный критерий имеет под собой этическую основу.

Семейное положение и род занятий, как обстоятельства, учитываемые при выборе меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого также следует рассматривать в качестве одной из этических основ предварительного расследования.

Правоприменителю предписывается принять во внимание наличие у лица других членов семьи, в первую очередь, находящихся на его иждивении. В главе 13 УПК РФ законодатель ничего не говорит об этом, однако, соответствующее положение содержится в ст. 160 УПК РФ, которая именуется «Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества».

На учёт семейного положения лица при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ в вышеназванном Постановлении: «В случае удовлетворения ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого, который имеет несовершеннолетних детей, других иждивенцев либо престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе, суду следует обратить внимание следователя или дознавателя на необходимость разрешения вопроса о передаче перечисленных лиц на период применения данной меры пресечения на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо о помещении их в соответствующие

детские или социальные учреждения, если они остались без присмотра и помощи»⁵⁴ (п. 9).

Таким образом, положения ст. 160 УПК РФ органично дополняют положения ст. 99 УПК РФ, создавая тем самым дополнительную гарантию следования должностных лиц нравственным началам в процессе применения мер пресечения.

Кроме того, сам факт наличия супруга (супруги) может, в определённой мере, рассматриваться в качестве положительной социально-значимой характеристики личности подозреваемого или обвиняемого, свидетельствующей о следовании данным лицом существующим в обществе традициям, а также разделении им существующих в обществе взглядов на социальные ценности.

Род занятий может учитываться также в контексте этической составляющей процедуры избрания конкретной меры пресечения, например, в том случае, когда род занятий лица, на которое направлено уголовное преследование, связан с некой социально-полезной деятельностью – деятельностью, связанной с творчеством, наукой, образованием; с некоммерческой (в том числе благотворительной деятельностью) и т.д.

Завершая обзор общих условий, учитываемых правоприменителем при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, следует подчеркнуть, что данный перечень не является закрытым, поскольку жизненные ситуации бывают самые разные и это обуславливает возможность дознавателя, следователя или суда учесть любое другое обстоятельство, выходящее за рамки обозначенного перечня, в качестве критерия в пользу избрания той, или иной меры пресечения.

Нормативная регламентация применения отдельных мер пресечения также содержит многочисленные нормы, имеющие этическое значение.

⁵⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №2, февраль, 2014

Обратимся к нормативной регламентации такой меры пресечения, как личное поручительство (ст. 103 УПК РФ).

Законодатель довольно кратко охарактеризовал данную меру в тексте вышеназванной статьи, однако, из нормативной формулировки мы видим, что надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого, в рамках применения рассматриваемой меры пресечения, обеспечивается иным лицом, или лицами, которые «заслуживают доверия» – именно так законодатель в ч. 1 ст. 103 УПК РФ характеризует единственное свойство поручителя, которому тот должен отвечать. Данный критерий имеет этическое содержание, поскольку связывает возможность какого-либо лица выступать в качестве поручителя, в контексте применения меры пресечения, с наличием к нему доверия.

Одна из практических проблем применения рассматриваемой меры пресечения состоит в том, как толковать данный критерий и как определить, заслуживает лицо доверия, или нет?

Доверие – это «уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности и основанное на этом отношении»⁵⁵.

Как правильно отмечает А.В. Закомолдин, «поручитель должен, с одной стороны, заслуживать доверия должностных лиц, уполномоченных применить данную меру пресечения, а с другой стороны – находиться в особых доверительных отношениях с подозреваемым (обвиняемым), на что, в частности, указывает возможность применения личного поручительства лишь с документально зафиксированного согласия последнего, полученного до применения рассматриваемой меры пресечения»⁵⁶.

С учётом наличия необходимости получения согласия обвиняемого (подозреваемого) на применение меры пресечения в виде личного поручительства, должностное лицо, проявляя допустимую инициативу по

⁵⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. С. 145.

⁵⁶ Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. №4 (35). С. 10.

избранию данной меры пресечения, вправе лишь разъяснить возможность личного поручительства заинтересованным лицам, но не избирать ее по своему усмотрению, основанному на доверии к определенным лицам.

«В основе применения личного поручительства лежит доверие лица, производящего дознание, следователя суда к поручителям. Избирая в отношении обвиняемого данную меру, эти органы убеждены, кроме того, в том, что лица, ручающиеся за обвиняемого, имеют на последнего решающее влияние и достаточно для него авторитетны, иначе они бы никогда не ручались за его неуклонение»⁵⁷ - отмечено Ю.Д. Лившицем.

Не менее важной составной частью требования к фигуре потенциального поручителя является доверие к нему со стороны должностного лица. Такое доверие возникает не на пустом месте, а является результатом предварительной оценки кандидатуры потенциального поручителя.

Основой формирования доверия к лицу, претендующему на роль поручителя в контексте применения анализируемой меры пресечения, должен стать комплекс данных, включающих в себя сведения о личностных характеристиках лица, его социальном статусе, трудовой деятельности и т.д.

Какие же именно сведения могут служить формированию уверенности в том, что данное лицо способно справиться со своей задачей и оказать такое воздействие на подозреваемого (обвиняемого), которое удержит его от нежелательных действий и будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства?

А.В. Закомолдин считает, что «к числу таковых следует отнести: отсутствие судимости; отсутствие пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.); наличие руководящей должности или занятие общественной, а равно иной социально-одобряемой деятельностью; наличие почётных званий, государственных наград, или общественных

⁵⁷ Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. – М, 1964. С. 53.

поощрений и т.д. Что же касается критерия нахождения потенциального поручителя в особых доверительных отношениях с подозреваемым (обвиняемым), то свидетельствовать об этом могут следующие данные: нахождение в родственной или иной социальной связи с подозреваемым (обвиняемым) – например, поручитель может быть его отцом, дядей, тестем, другом семьи и т.д.; нахождение в руководящем положении, относительно подозреваемого (обвиняемого), основанном на трудовых или иных, построенных на авторитете отношениях – в частности, поручитель может быть работодателем подозреваемого (обвиняемого), или руководителем подразделения, в котором тот работает; поручитель может быть преподавателем высшего учебного заведения, в котором обучается лицо, к которому применяется рассматриваемая мера пресечения и т.д.»⁵⁸

Именно наличие особенных отношений, построенных на доверии и авторитете может выступить тем самым превентивным фактором, который позволит правоприменителю предполагать следование подозреваемого (обвиняемого) всем возложенным на него обязательствам.

Думается, что ключевой при предварительной оценке кандидатуры потенциального поручителя должна считаться уверенность субъекта применения меры пресечения в том, что именно это физическое лицо способно оказать необходимое морально-психологическое воздействие на подозреваемого (обвиняемого) и тем самым обеспечить реализацию данной меры пресечения при производстве по делу.

Добровольность такого намерения со стороны поручителя следует из самой нравственно-этической основы поручительства, а также нормативной обязанности субъекта, применяющего данную меру пресечения разъяснить существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства.

⁵⁸ Закомолдин А.В. Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения // Вестник Самарской гуманитарной академии. «Серия право». 2018. №1. С. 99.

Относительно ответственности поручителя, вряд ли можно в полной мере согласиться с утверждением о том, что обязанностью поручителя является уплата обозначенной в УПК РФ суммы в случае ненадлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, о чём пишет А.А. Чуниха⁵⁹.

В ч. 4 ст. 103 УПК РФ законодатель говорит о том, что на поручителя «может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей», что говорит о праве, а не обязанности соответствующего субъекта наложить данное взыскание.

Аналогичным образом сформулирована соответствующая норма в УПК Республики Казахстан, на что указывается специалистами⁶⁰.

Следует согласиться с высказываемым отдельными авторами мнением о том, что поручитель, который не смог обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого, может избежать привлечения к уголовно-процессуальной ответственности в виде денежного взыскания, налагаемого в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ.

В одном из комментариев к действующему УПК РФ отмечается следующее: «поскольку в УПК РФ нигде прямо не указывается на ответственность поручителя вне зависимости от его вины, постольку ее наличие (как и наличие самого факта нарушения обвиняемым меры пресечения – последствий правонарушения, совершенного поручителем) необходимо установить. Однако для следователя оказывается непосильным доказывание недобросовестности поручителя, действия которого по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого имеют непроцессуальный характер и законом не предусмотрены. Проблема решается с помощью презумпции виновности поручителя, который освобождается от

⁵⁹ Чуниха А.А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. С. 15.

⁶⁰ Касимов А.А. Меры пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан // Журнал российского права. 2012. №10. С. 90-98.

ответственности, если докажет, что добросовестно выполнял свои обязательства (хотя обвиняемый скрылся)»⁶¹.

Действительно, невозможность поручителя осуществить защиту своих прав даже в тех ситуациях, когда им были предприняты значительные усилия, направленные на обеспечение должного поведения обвиняемого (ежедневные телефонные разговоры с данным лицом, оказание помощи в обеспечении его быта, помощь в трудоустройстве и т.д.) вряд ли отвечало бы этическим основам применения личного поручительства.

Представляется, что анализируемая мера пресечения имеет свой потенциал, который не следует игнорировать правоприменителю.

Следует согласиться с А.В. Закомолдиным в том, что «в тех случаях, когда соответствующие должностные лица не склонны (или не могут) применить подписку о невыезде и надлежащем поведении в качестве меры пресечения, именно стороне защиты целесообразно проявить необходимую активность в подборе кандидатуры поручителя и сборе необходимых данных о том, в силу чего именно это лицо способно выступить гарантом того, что подозреваемый (обвиняемый) будет исполнять свои процессуальные обязанности»⁶².

Игнорирование потенциала данной меры пресечения нецелесообразно. Лица, которые могут заслуживать доверие, могут стать тем элементом сдерживания подозреваемого (обвиняемого) от нежелательного для государства поведения, который отсутствует в других мерах пресечения, в силу своих личностных качеств, в совокупности с особыми отношениями, основанными на доверии с лицом, к которому данная мера пресечения применяется.

⁶¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «Консультант плюс», 2012.

⁶² Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. №4 (35). С. 14.

С учётом сказанного, остаётся надеяться, что правоприменительная практика, связанная с применением личного поручительства, получит востребованность.

Следует отметить, что само наличие некоторых мер пресечения в общей системе говорит о том, что законодатель учёл ряд этических основ, формулируя систему мер пресечения. Такой мерой пресечения является присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ).

В ч. 1 ст. 105 УПК РФ указано: «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство».

Несовершеннолетие подозреваемого или обвиняемого, в силу комплекса особенностей, обусловленных не достижением возраста, с которым связывается полноценное физическое, нравственное и социальное формирование личности, вызывает необходимость создания дополнительных законодательных гарантий, оберегающих данную категорию лиц от несоразмерного репрессивного воздействия со стороны государства. Игнорирование таких психофизиологических особенностей государством было бы безнравственным и не отвечающим современным этическим представлениям.

Очевидно, что та степень принуждения, что может быть применена к взрослому участнику уголовного судопроизводства в случае применения к несовершеннолетнему, может повлечь наступление социально-вредных последствий в виде причинения ущерба его здоровью, а также физическому и (или) нравственному развитию.

Это обуславливает включение законодателем в систему мер пресечения специальной меры, ориентированной исключительно на несовершеннолетних и предполагающей учёт возрастных особенностей данной категории лиц для достижения той цели, на достижение которой нацелен весь комплекс мер пресечения. Обеспечение надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого достижимо, с учётом специфики несовершеннолетнего возраста лица, посредством применения «социально-психологическим методом морально-личностного воздействия на обвиняемого, который родители, опекуны, попечители используют в пределах и в порядке осуществления своих родительских прав, а иные заслуживающие доверия лица – в контексте использования своего влияния на поведение несовершеннолетнего, основанного на авторитете»⁶³.

Перечень правомочий, относительно лиц, осуществляющих воспитание несовершеннолетнего, по сути, находит отражение в ст. 61-65 Семейного кодекса РФ⁶⁴. Что же касается превентивного воздействия со стороны иных лиц, заслуживающих доверие, то здесь можно упомянуть проведение воспитательных бесед, духовно-нравственное воздействие на несовершеннолетнего и т.д.

Родители (опекуны, попечители), совместно проживая с несовершеннолетним обладают самым широким спектром возможности для превентивного воздействия: ограничение досуга несовершеннолетнего, контроль посещения несовершеннолетним образовательного учреждения, ограничение круга общения и т.д.

Таким образом, наличие рассматриваемой меры в системе мер пресечения следует оценить положительно, а в правоприменительной практике создавать необходимые условия для её применения.

⁶³ Потехина Е.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. С. 5.

⁶⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 16.

В целях совершенствования практики применения данной меры пресечения представляется необходимым проработка процедуры выбора лица, на которое может быть возложена обязанность осуществления присмотра за несовершеннолетним. Также в расширении практики применения рассматриваемой меры может помочь инициатива стороны защиты, для которой применение такой меры пресечения может стать весьма желательным.

Существующая в действующем УПК РФ система разноплановых мер пресечения позволяет правоприменителю выбрать в отношении конкретного лица ту из них, которая при наименьшей степени репрессивного воздействия на данное лицо, в конкретной ситуации, сможет обеспечить достижения желаемого результата – т.е. обеспечить должное поведение обвиняемого или подозреваемого при производстве по уголовному делу. Таким образом, должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, при наличии оснований для избрания меры пресечения, должно производить выбор конкретной меры пресечения от наиболее мягкой к наиболее строгой, что представляется этичным с позиции гуманистических ценностей и косвенно присутствует в нормах УПК РФ, регулирующих применение мер пресечения. В частности, законодатель, регламентируя применение мер пресечения, связанных с ограничением свободы лица, как наиболее жёсткой формы превентивного воздействия (ст. 105.1, 107, 108 УПК РФ), указывает на избрание такой меры лишь «при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения».

Кроме того, данные меры пресечения применяются только судом, что также следует рассматривать в качестве дополнительной гарантии от чрезмерно репрессивного воздействия на лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Относительно недавно, действующая система мер пресечения была пополнена новой мерой, сформулированной законодателем как «запрет

определённых действий» и включённой в текст УПК РФ посредством принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. №72-ФЗ⁶⁵.

При применении новой меры пресечения в виде запрета определённых действий, на обвиняемого (подозреваемого) возлагается обязанность являться в назначенное время к дознавателю, следователю или в суд по их вызовам и в отношении его устанавливается один или несколько запретов, перечень которых указан в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В науке, несмотря на то, что запрет определённых действий был совсем недавно сформулирован в тексте УПК РФ, высказываются предложения о расширении перечня возможных правоограничений, обозначенных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Например, отдельные авторы предлагают дополнить указанный перечень такими запретами, имеющими нравственное содержание, как запрет употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества; играть в компьютерные игры; заниматься иными занятиями и увлечениями, способными спровоцировать подозреваемого или обвиняемого на неправомерное поведение⁶⁶.

Данное предложение представляется интересным, однако, вводить их все в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ вряд ли целесообразно. К тому же, оборот «заниматься иными занятиями и увлечениями, способными спровоцировать подозреваемого или обвиняемого на неправомерное поведение» слишком абстрактен и способен неоправданно сильно «размывать» спектр правоограничений, которым может быть подвергнуто лицо.

Следуя общей логике обозначенного выше подхода, следовало бы предусмотреть такое ограничение, как запрет играть в азартные игры.

⁶⁵ Федеральный закон от 18.04.2018 г. №72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. №17. Ст. 2421.

⁶⁶ Апостолова Н.Н. Запрет определённых действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. №3. С. 23.

Таким образом, ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ следует дополнить пунктами 7 и 8 со следующими запретами: «7) употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества; 8) играть в азартные игры».

Говоря об этических основах, следует подробнее остановиться на сформулированном в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ указании на то, что: «подозреваемый, обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, дознавателем и контролирующим органом».

То есть, предусматривая в качестве одного из возможных запретов в рамках применения данной меры пресечения запрет использовать средства связи (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), законодатель, руководствуясь соображениями этики, допускает использование средств связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

Данное положение, в целом, следует оценить положительно, поскольку оно устанавливает рациональную основу ограничения на использование телефонной связи, ориентируя правоприменителя на то, что в определённых ситуациях лицу нельзя формально запрещать использование телефонной связи в силу различных жизненных потребностей. Законодатель, при этом, сформулировал исчерпывающий круг допустимых ситуаций данного рода, но все ли ситуации оказались учтёнными?

Лицу разрешено в экстренной ситуации вызвать скорую медицинскую помощь, а как быть с ситуациями не столь экстренными, но требующими лечения? Может ли лицо позвонить не в скорую помощь, а, например, в поликлинику? Будет ли в таком случае формальный запрет на использование

средств связи для обращения за медицинской помощью отвечать требованиям этики? Очевидно, что нет.

А как быть с обеспечением реализации права на квалифицированную юридическую помощь со стороны адвоката-защитника – ему звонки, исходя из установленного правила, также будут находиться под запретом?

В этой связи для корректировки рассматриваемого положения, следует внести изменения, позволяющие адекватно расширить спектр возможностей подозреваемого (обвиняемого) в совершении телефонных звонков. Таким образом, ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также в иных случаях, обуславливающих необходимость осуществления телефонного звонка во избежание негативных последствий. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для общения с должностными лицами стороны обвинения, контролирующим органом, а также защитником.».

Определённые проблемы, связанные с учётом этических составляющих, можно выделить в практике применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

В частности, по вопросу процедуры применения домашнего ареста, в науке высказывается следующее суждение: «Сегодня закон не требует спрашивать мнение потерпевшего при избрании данной меры пресечения. Полагаем, однако, что выяснение судом мнения потерпевшего при решении вопроса о домашнем аресте, во-первых, будет отражать баланс процессуальных интересов сторон, а во-вторых, свидетельствовать о

соблюдении прав потерпевшего. При этом явку потерпевшего в суд, рассматривающий данный вопрос, не нужно считать обязательной, равно как и не нужно законодательно закреплять обязательность учета мнения потерпевшего по данному вопросу. Но известить его о судебном заседании по данному вопросу, выслушать его мнение и аргументы, полагаем, суд обязан»⁶⁷.

То есть, отсутствие в действующем УПК РФ учёта мнения потерпевшего в данном вопросе авторы считают не вполне корректным исходя из нравственно-этических соображений.

Данный вопрос вряд ли можно решить однозначно, с учётом того, что данная мера пресечения применяется лишь по судебному решению, что уже является достаточно значимой гарантией законного и объективно-обоснованного её применения. Потерпевший же наоборот вряд ли способен проявить объективность в оценке способности данной меры пресечения обеспечить должное поведение обвиняемого. Поэтому существующий процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, а также иных наиболее строгих мер пресечения, на основании судебного решения, видится правильным.

Тем не менее, совершенствование нормативной регламентации системы мер пресечения, как представляется, может способствовать поступательному совершенствованию механизма их применения, а значит, расширению практики применения тех мер, которые способны стать реальной альтернативой заключению под стражу, практика применения которой по-прежнему остаётся очень широкой, что вряд ли согласуется с гуманистической направленностью принципиальных основ современного

⁶⁷ Головинская И.В., Гущин С.В. Особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста в Российской Федерации // Современное право. 2018. №10. С. 125.

уголовного судопроизводства, о чём продолжают писать многие исследователи⁶⁸.

2.2. Этические основы применения иных мер процессуального принуждения

Иные меры процессуального принуждения, отличные по ряду критериев от мер пресечения, предусмотрены законодателем в главе 14 УПК РФ. Целями применения данных мер процессуального принуждения законодатель в ст. 111 УПК РФ называет «обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства», а также «надлежащее исполнение приговора».

К числу иных мер уголовно-процессуального принуждения относятся: обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ), привод (ст. 113 УПК РФ), временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ), наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ).

Следует отметить, что отдельные иные меры процессуального принуждения, в отличие от мер пресечения, могут быть применены не только к тем участникам производства по делу, на которых направлено уголовное преследование (на подозреваемого или обвиняемого), но и к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому.

Если возможность применения мер уголовно-процессуального принуждения к подозреваемому или обвиняемому является достаточно

⁶⁸ Рябинина Т.К., Снегирева Д.Е. О некоторых проблемных аспектах применения новой меры пресечения - запрета определенных действий // Мировой судья. 2018. №12. С. 25-32; Стародубова Г.В. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого: объективная основа и субъективная оценка // Российская юстиция. 2017. №12. С. 62-64; Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. №3. С. 90-96; Доста Г.В. Особенности применения мер пресечения при расследовании преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Медицинское право. 2015. №2. С. 34-38 и др.

естественным и закономерным, в связи с необходимостью достижения назначения уголовного судопроизводства, то применение государственного принуждения в отношении тех участников уголовного судопроизводства, на которых уголовное преследование не направлено – является своего рода исключением.

Нормативная регламентация применения иных мер процессуального принуждения, как и регламентация применения мер пресечения, содержит ряд предписаний нравственного характера, которые можно рассматривать в качестве этических основ уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве.

В частности, ст. 113 УПК РФ, посвящённая приводу, содержит следующие запреты этического характера:

«Привод не может производиться в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства» (ч. 5 ст. 113 УПК РФ);

«Не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, беременные женщины, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом» (ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

В соответствии с существующими в обществе взглядами, ночное время предназначено для отдыха и сна, в целях восстановления сил, сохранения физического и психического здоровья.

Как верно отмечается некоторыми исследователями, «под термином "ночное время" каждый субъект правовых отношений может понимать тот или иной отрезок времени, при этом они часто могут не совпадать»⁶⁹.

В этой связи законодателем конкретизирован данный промежуток времени, исходя из некоего усреднённого значения. Таким образом, в

⁶⁹ Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. – М.: Юриспруденция, 2010.

соответствии с ч. 21 ст. 5 УПК РФ, «ночное время – промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени».

Создавая запрет на осуществление привода в ночное время, законодатель полагает недопустимым, за исключением экстраординарных ситуаций, препятствовать отдыху граждан. При этом, толкование понятия «случаи, не терпящие отлагательства» находится исключительно в компетенции правоприменителя.

«Случаями, не терпящими отлагательства, на практике признаются ситуации, когда фактические основания применения привода появились внезапно и есть обстоятельства, которые могут привести к утрате сведений, имеющих значение для уголовного дела»⁷⁰ - указывают авторы одного из комментариев к действующему УПК РФ.

Также, исходя из этических аспектов, принудительное доставление лица не производится в отношении лиц, нуждающихся в особом отношении в виду их малолетнего возраста или заболевания, в связи с наличием которого оставление лицом места своего пребывания может неблагоприятно сказаться на его здоровье.

Создание данных гарантий от неэтичного обращения с лицом при применении привода в качестве меры процессуального принуждения, следует оценить положительно. Это особенно важно в связи с тем, что круг участников, к которым может применяться привод, весьма широк и включает в себя тех участников, на которых уголовное преследование не направлено, что в ещё большей мере обязывает должностных лиц воздержаться от неоправданного применения принуждения.

Ряд этических аспектов обозначено законодателем в регламентации меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в связи с ограничением посредством такой меры конституционного права

⁷⁰ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014.

граждан на частную собственность, которое гарантировано ст. 35 Конституции РФ. Поэтому судебный порядок применения данной меры процессуального принуждения единственно верный. Более того, произвольное применение анализируемой меры процессуального принуждения, с учётом прямого действия презумпции неприкосновенности имущества (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) недопустимо. Как верно указывают Н.А. Колоколов и А.В. Потапова, «иное толкование противоречит базовым конституционным принципам, практике Европейского суда по правам человека, практике Верховного Суда РФ»⁷¹.

Особое внимание при этом вызывает то обстоятельство, что «арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ).

Возможный запрет, адресованный собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также изъятие имущества, в рамках анализируемой меры, и передача его на хранение продиктованы социально-значимыми целями.

Как верно отмечается в науке, «посредством наложения ареста на имущество обеспечивается реализация нормы ст. 52 Конституции РФ об

⁷¹ Колоколов Н.А., Потапова А.В. Наложение ареста на имущество: анализ судебной практики // Исполнительное право. 2011. №3. С. 21.

охране законом прав потерпевших от преступлений и обеспечении государством компенсации причиненного ущерба»⁷².

Тем не менее, применение данной меры принуждения без обеспечения необходимых гарантий от злоупотреблений со стороны должностных лиц, таит в себе серьезную опасность для прав и свобод граждан в отношении собственности.

И. Дикарёв, констатируя невозможность полного исключения вероятности применения наложения ареста на имущество «недобросовестными сотрудниками органов расследования в качестве средства неправомерного давления на подозреваемого, обвиняемого (скажем, в целях склонения этих участников уголовного процесса к признанию вины)»⁷³, считает необходимым «защитить права личности от подобных злоупотреблений надежными гарантиями»⁷⁴.

Кроме того, как полагают отдельные авторы, наложение ареста на имущество может достаточно эффективно использоваться «рейдерами при осуществлении захвата имущества предприятия»⁷⁵.

В этой связи в одном из своих Постановлений Конституционный Суд РФ высказал следующую позицию: «наложение ареста на имущество лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым и не привлекается по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, допускается лишь в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу, и лишь при условии, что относительно этого имущества имеются достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате

⁷² Власенко Н.В., Иванов А.Н. Отмена наложения ареста на имущество в порядке уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. №4. С. 54.

⁷³ Дикарев И. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. №4. С. 82.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Бурнин С.С. Наложение ареста на имущество как инструмент современного рейдерства // Российский судья. 2019. №4. С. 13.

преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования преступной деятельности»⁷⁶.

Также закономерным и правильным с нравственно-этических позиций представляется запрет на наложение ареста на то имущество, на которое в соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁷⁷ (ГПК РФ) не может быть обращено взыскание. К такому имуществу, например, законодатель относит предметы обычной домашней обстановки и обихода («минимально необходимое имущество, требующееся должнику-гражданину и членам его семьи для обеспечения реальной возможности удовлетворения повседневных бытовых потребностей в питании, отдыхе, лечении, гигиене»⁷⁸), вещи индивидуального пользования (одежду, обувь и т.д.), имущество, необходимое для профессиональных занятий (скрипка музыканта, мольберт художника и т.д.), средство транспорта и иное необходимое гражданину в связи с его инвалидностью имущество и т.д.

То есть, как это видно из вышеупомянутых положений закона, законодателем создаются необходимые предпосылки для учёта этического критерия правоприменителем.

Также вниманием законодателя не обойдён вопрос срока применения анализируемой меры процессуального принуждения, который должен быть разумным и соответствовать требованиям ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ.

⁷⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 г. №25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Аврора малоэтажное строительство" и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Российская газета. 2014. 31 октября.

⁷⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №46. Ст. 4532.

⁷⁸ п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. №50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №1, январь, 2016.

Конституционный Суд Российской Федерации в тексте Постановления от 21 октября 2014 г. №25-П подчеркнул, что «соблюдение условий для продолжения (сохранения режима) ареста имущества должно находиться под эффективным контролем суда, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо, на имущество которого наложен арест, не подвергалось чрезмерному обременению вследствие неоправданно длительного применения данной меры процессуального принуждения, что, в свою очередь, требует дополнительных усилий от органов предварительного расследования, на которые законом возложены обязанности по осуществлению уголовного преследования, собиранию доказательств и обеспечению прав и законных интересов граждан и юридических лиц, так или иначе вовлеченных в уголовный процесс»⁷⁹.

Как отмечается отдельными исследователями, «игнорирование данного требования может привести к необходимости решения вопроса не только о присуждении и выплате компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства, но и о присуждении и выплате компенсации за нарушение разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество указанных лиц»⁸⁰.

Также следует упомянуть существующие в науке критические замечания, относительно отсутствия в ст. 115 УПК РФ указания на возможность потерпевшего, гражданского истца, а также их представителей обратиться к суду с самостоятельным ходатайством о наложении ареста на имущество лица, на которое направлено уголовное преследование.

«В досудебном производстве инициировать принятие судом мер, направленных на обеспечение исполнения приговора в части гражданского

⁷⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2014 г. №25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Аврора малоэтажное строительство" и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Вестник Конституционного Суда РФ. №1, 2015.

⁸⁰ Апостолова Н.Н. Наложение ареста на имущество по уголовным делам // Мировой судья. 2018. №7. С. 13.

иска, могут не все участники процесса со стороны обвинения, а только должностные лица, ведущие предварительное расследование. На это прямо указано в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, согласно которой ходатайство перед судом о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, возбуждают следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора»⁸¹ - верно отмечается отдельными авторами.

Следует ли наделить потерпевшего, гражданского истца и их представителей подобным правом? Является ли отсутствие такого законодательно закреплённого правомочия этичным, по отношению к лицу, которому преступлением причинён вред?

При формулировке ч. 1 ст. 115 УПК РФ законодатель, очевидно, исходит из того, что возложение на органы предварительного расследования обязанности принимать меры, которые направлены на обеспечение возмещения вреда потерпевшим, уже является достаточной гарантией.

В настоящее время потерпевший и гражданский истец могут обращаться с ходатайством, в порядке главы 15 УПК РФ, адресованным лицу, в чьём производстве находится уголовное дело, о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства о наложении ареста на имущество. Тем не менее, такой, опосредованный порядок может потенциально создать дополнительные препятствия, связанные с излишним промедлением, или же с необоснованным отказом со стороны следователя или дознавателя обратиться в суд с соответствующим ходатайством.

Как обоснованно считает И. Дикарёв, «несвоевременность наложения ареста на имущество способна стать причиной того, что к моменту вынесения приговора у подсудимого попросту не останется имущества, на

⁸¹ Дикарев И. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. №4. С. 83.

которое может быть обращено взыскание. При этом возможность обжалования отказа следователя (дознателя) обратиться в суд с соответствующим ходатайством вряд ли следует рассматривать в качестве эффективного средства восстановления прав потерпевшего, поскольку наложение ареста на имущество не терпит промедления, неизбежного при судебном обжаловании»⁸².

Вряд ли такую ситуацию можно считать отвечающей этическим основам осуществления уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве. Таким образом, существующая нормативная регламентация данного вопроса нуждается в совершенствовании. В качестве возможного решения указанной проблемы можно взять за основу высказанное вышеназванным автором предложение о закреплении в УПК РФ возможности потерпевшего, гражданского истца и их представителей самостоятельно обратиться в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество в случае отказа следователя или дознавателя обратиться в суд с данным ходатайством.

⁸² Дикарев И. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. №4. С. 85.

Глава 3. Этические основы производства следственных действий на этапе предварительного следствия

3.1. Этические основы, определяющие общие правила производства следственных действий

Основу уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве составляет производство следственных действий. Нормы, касающиеся правил их производства, относятся к общим условиям предварительного следствия и регламентированы законодателем в главе 22 УПК РФ.

В первую очередь, необходимо определиться с понятием следственного действия, с учётом того, что в науке и правоприменительной практике отсутствует единообразный подход к определению данного уголовно-процессуального института.

Следует отметить, что нормативного определения следственных действий по-прежнему нет в тексте действующего УПК РФ, несмотря на то значение, что имеет данная категория в досудебном производстве.

Само же содержание уголовно-процессуальных норм также не позволяет однозначно определить сущность следственных действий в системе уголовно-процессуального регулирования.

Обилие мнений и подходов относительно определения понятия и сущности следственных действий продолжает иметь место – как верно отмечается исследователями, «учёными до настоящего времени не выработано однозначного и бесспорного понятия следственных действий»⁸³.

⁸³ Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. С. 3-4.

Следует согласиться с С.А. Шейфером, который писал о том, что все имеющиеся относительно определения понятия следственных действий научные позиции можно условно разделить на две традиционные группы - предполагающие трактование термина «следственные действия» в широком либо в узком смысле⁸⁴.

В широком смысле следственными считают любые процессуальные действия следователя (дознавателя), независимо от их целевой направленности и разрешаемых посредством них задач.

Например, по мнению И.М. Лузгина под следственными действиями понимаются: а) действия, посредством которых осуществляются собирание, проверка и исследование доказательств; б) действия, посредством которых регулируется процесс расследования, определяются его границы, сроки и порядок проведения; в) действия, связанные с предъявлением всего производства по делу соответствующим участникам процесса⁸⁵.

Тем не менее, столь широкий подход устанавливает равенство между категорией «процессуальные действия» и «следственные действия». Однако, как правильно замечено О.Я. Баевым и Д.А. Солодовым, «все действия следователя – процессуальные ... но далеко не все процессуальные действия суть действия следственные»⁸⁶.

В узком смысле сущность категории «следственные действия» связана с направленностью на достижение конкретных процессуальных задач, а именно собирание или проверку доказательств.

В частности, С.А. Шейфер определял следственное действие как «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов

⁸⁴ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. С. 5-6.

⁸⁵ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М.: ВШ МВД СССР, 1969. С. 58-59.

⁸⁶ Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. С. 6.

определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации»⁸⁷.

Узкий подход к пониманию сущности следственных действий представляется более приемлемым, поскольку позволяет конкретизировать анализируемую категорию, выделив её из числа смежных.

Тем не менее, приведённое определение С.А. Шейфера распространяет производство следственных действий не только на досудебное, но и на судебное производство.

«Распространение сферы применения следственных действий на судебные стадии уголовного процесса приведет, в конечном счете, к размыванию их процессуальной сущности и обусловит их смешение с действительно близкими по смыслу судебными процедурами, предусмотренными гл. 37 УПК РФ»⁸⁸ - пишет С.Б. Россинский.

В качестве итога анализа различных точек зрения отечественных учёных, указанный автор предлагает следующее определение понятия «следственные действия», под которыми предлагается понимать: «производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»⁸⁹.

Сформулированное С.Б. Россинским краткое, но весьма конкретное, определение, представляется удачным. Данное определение представляется целесообразным нормативно закрепить в ст. 5 УПК РФ, содержащей основные понятия, используемые в Кодексе.

⁸⁷ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. С. 38.

⁸⁸ Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2.

⁸⁹ Там же

«Следственные действия считались и считаются основным средством, а их производство - основным способом собирания и исследования доказательств. Другого назначения указанные уголовно-процессуальные явления не имеют»⁹⁰ - верно отмечает В.М. Корнуков.

В первую очередь благодаря производству следственных действий в уголовном деле формируется доказательственная база, без которых виновное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако, для того, чтобы собранные сведения получили процессуальный статус доказательства, помимо всего прочего, производство следственных действий, опосредующих получение таких сведений, должно быть осуществлено в строгом соответствии с требованиями закона.

Положения, включённые в главу 22 УПК РФ, определяют наиболее общие аспекты производства следственных действий и содержат в себе, помимо гарантий защиты прав и законных интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальные правоотношения, требования этического характера, направленные на обеспечение осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в контексте доказывания на этапе предварительного следствия, в рамках нравственных представлений, существующих в цивилизованном демократическом обществе.

К числу таких предписаний относится запрет на производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ).

Подобное предписание существует и относительно применения такой меры процессуального принуждения как привод (ч. 5 ст. 113 УПК РФ), о чём уже говорилось выше. Таким образом, в данном вопросе позиция законодателя последовательна.

⁹⁰ Корнуков В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. №4. С. 600.

Как уже было отмечено, ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени, в течение которого, априори, люди спят, восстанавливая свои силы и сохраняя здоровье, что является естественным правом любого человека. Пренебрежительное отношение к данному праву, безусловно, безнравственно. Более того, отдельные авторы⁹¹ лишение лица сна или отдыха выделяют в качестве разновидности пытки.

По этой причине, законодатель, аналогично положениям о производстве привода в ночное время, допускает ограничение общего правила о недопустимости осуществления процессуальной деятельности ночью лишь в случаях, не терпящих отлагательства.

В соответствии с существующими в обществе взглядами, ночное время предназначено для отдыха и сна, в целях восстановления сил, сохранения физического и психического здоровья.

Данное положение неоднократно являлось предметом обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав граждан⁹². Однако, во всех случаях Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению подобных жалоб, указывая, что данное положение УПК РФ не может рассматриваться, как нарушающее права заявителя.

Более того, «данная норма применяется с учетом обстоятельств конкретного дела, носит гарантийный характер, направлена на обеспечение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства»⁹³.

⁹¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. Т. 4.

⁹² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. №1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. №2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. №3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс» и т.д.

⁹³ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. №1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав

О каких, относительно производства следственных действий, случаях, не терпящих отлагательства, может идти речь, с учётом того, что законодатель не уточняет данный вопрос, оставляя его на усмотрение лиц, осуществляющих производство по уголовному делу? По всей видимости, однозначно ответить на данный вопрос не представляется возможным и производство какого-либо следственного действия в ночное время должно обосновываться исходя из конкретных обстоятельств.

«Оценка ситуации с этой точки зрения в каждом конкретном случае производится тем должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, под свою личную ответственность, исходя исключительно из интересов дела и остроты самого следственного действия. Так, например, безотлагательный ночной осмотр места происшествия - явление, широко распространенное в следственной практике»⁹⁴ - пишет в своей работе Б.Т. Безлепкин.

«К случаям, не терпящим отлагательства, следует относить необходимость осмотра места происшествия, неотложного производства обыска и иных следственных действий, промедление с производством которых может повлечь невосполнимую утрату или искажения доказательственной информации по естественным причинам или в результате направленных на то умышленных действий заинтересованных в определенном исходе дела лиц»⁹⁵ - считают О.Я. Баев и Д.А. Солодов.

Думается, что к случаям, не терпящим отлагательства, также вполне можно отнести ситуации, при которых «промедление создаст угрозу наступления отрицательных последствий, утраты доказательств, продолжения преступных действий, укрытия преступников и т.д.»⁹⁶.

частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

⁹⁴ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: Проспект, 2018.

⁹⁵ Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. С. 15.

⁹⁶ Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М.: Юстицинформ, 2009.

Также в следственной практике вполне могут возникать ситуации, при которых производство какого-либо следственного действия в ночное время может быть обусловлено самим познавательным содержанием данного следственного действия и конкретными задачами, разрешаемыми с его помощью. Так, опытным путём может быть проверена возможность зрительного восприятия и распознавания определённым лицом объекта в ночное время в условиях низкой освещённости, посредством производства следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ).

В процессе расследования уголовного дела также может возникнуть ситуация, при которой следственное действие, производство которое началось в вечернее время, следователь не успевает закончить до 22 часов по местному времени и при этом отсутствует ситуация, не терпящая отлагательства. Как поступить в таком случае, не нарушая требования закона, обеспечивая тем самым допустимость полученных доказательств?

По мнению некоторых авторов, «в ситуации, когда нет возможности продолжить следственное действие в связи с наступлением ночного времени и отсутствуют исключительные обстоятельства, необходимо прервать следственное действие, в протоколе фиксируется точное время его окончания и причины, побудившие сделать это, обеспечивается охрана места производства следственного действия до его возобновления, что также отражается в протоколе»⁹⁷.

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ законодатель называет ещё несколько запретов, имеющих этическое содержание, распространяющихся на производство любого следственного действия: «При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

⁹⁷ Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. С. 15.

Данное положение является конкретизацией более общего предписания нормы-принципа, включённого в ст. 9 УПК РФ.

Запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий является безусловным нравственным предписанием. Его нарушение следователем, или дознавателем, а также иным лицом с ведома или молчаливого согласия вышеназванных должностных лиц, совершенно обоснованно, возведено законодателем в ранг преступления, предусмотренного ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации⁹⁸ (УК РФ) «Принуждение к даче показаний».

Следует отметить, что наименование данной статьи не вполне корректно, поскольку данной нормой предусматривается уголовная ответственность не только за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста к даче показаний, но и за принуждение эксперта или специалиста к даче заключения.

По ч. 1 ст. 302 УК РФ, с точки зрения объективной стороны преступления, квалифицируется принуждение, осуществляемое путём угроз, шантажа, а также путём осуществления иных противозаконных действий принуждающего характера.

Отягчающим обстоятельством, влекущим квалификацию преступления по ч. 2 ст. 302 УК РФ, является принуждение, посредством применения насилия, издевательств или пытки, как способов, имеющих повышенную общественную опасность и причиняющих наибольший вред.

«Под насилием понимается применение физической силы путем нанесения как разовых ударов, так и побоев, причинения физической боли. Как издевательство должны квалифицироваться выраженные как в вербальной, так и в физической форме глумление над человеком, унижение его достоинства, оскорбление (обзывание нецензурными словами,

⁹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

раздевание, совершение непристойных манипуляций)»⁹⁹ - отмечается в одном из комментариев к действующему УК РФ.

О понятии «пытка», содержащемся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.¹⁰⁰, мы уже говорили выше в контексте анализа нормы-принципа «уважение чести и достоинства личности» (ст. 9 УПК РФ)

Применительно к принуждению к даче показаний или заключения, пытка может выражаться в причинении участнику уголовного судопроизводства физической боли и нравственных страданий для получения соответствующих показаний или заключения.

Помимо привлечения виновных в принуждении к даче показаний или заключения лиц к уголовной ответственности, в процессуальном смысле данное нарушение влечёт невозможность использования полученных таким путём доказательств в процессе доказывания, поскольку такие показания или заключение будут, в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ, являться недопустимым доказательством, не имеющим юридической силы.

Второй запрет, упомянутый законодателем в ч. 4 ст. 164 УПК РФ относительно производства следственных действий – это «создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Отдельно в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, законодатель говорит о возможности производства следственных действий без участия понятых в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. При этом, отсутствие понятых может компенсировать, при таких обстоятельствах, применение технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия.

⁹⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. Т. 4.

¹⁰⁰ «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (Заключена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.

Опасность для жизни и здоровья участников производства следственного действия может быть связана с:

- наличием неблагоприятных условий производства следственного действия (не соответствие участка местности требованиям безопасности – угроза обвала, оползня; аварийное состояние здания – угроза обрушения конструкций в помещении, в котором необходимо произвести следственное действие и т.д.);
- содержанием конкретных манипуляций, сопряжённых с производством следственного действия (физические манипуляции при освидетельствовании, которые, с учётом состояния здоровья освидетельствуемого, могут представлять для него опасность и т.д.);
- необходимостью исследования в ходе следственного действия объектов, которые могут представлять опасность для окружающих (взрывные устройства, боеприпасы, радиоактивные вещества, сильнодействующие яды и химикаты и т.д.).

Как отмечается А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским, «такая опасность должна быть не абстрактной (гололед на улице может привести к падению понятого во время осмотра), а конкретной и реальной (на пример, повышенный радиационный фон приводит к получению опасной для здоровья дозы облучения, возможность взрыва при осмотре боеприпасов и т.п.). Наличие такой опасности исключает участие понятых даже при их добровольном желании и готовности участвовать в следственном действии. Однако данная процессуальная норма допускает профессиональный риск самого следователя, работника органа дознания»¹⁰¹.

Создание должностным лицом, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, опасности для жизни и здоровья других

¹⁰¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: КНОРУС, 2008.

участников в процессе проведения следственного действия прямо запрещено анализируемой нормой.

Следует констатировать, что общие правила производства следственных действий по какой-то причине не содержат требований, направленных на обеспечение сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц при производстве следственных действий, что по своей сути является естественным этическим требованием, обусловленным уважением к праву частной собственности граждан.

Подобное требование упоминается законодателем лишь при регламентации производства обыска: «При производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» (ч. 6 ст. 182 УПК РФ).

Тем не менее, как представляется, производство и многих других следственных действий, помимо обыска, может быть сопряжено с возможным причинением вреда имуществу – повреждение предметов обстановки при неаккуратно производимом осмотре помещения; повреждение имущества при его выемке; повреждение предмета, выступающего в качестве объекта при опознании и т.д.

Сказанное позволяет высказать предположение о необходимости нормативного закрепления подобного предписания нравственно-этического характера в рамках ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ. Данная норма может быть сформулирована следующим образом: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

При этом, с учётом формулирования общей нормы, распространяемой на любое следственное действие, соответствующий оборот «при этом не

должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» может быть исключён из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ.

Далее уделим внимание этическим основам производства отдельных следственных действий, регламентируемых законодателем в главах 24-27 УПК РФ.

3.2. Этические основы производства отдельных следственных действий

Нормативная регламентация производства отдельных следственных действий произведена законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ. В систему следственных действий, таким образом, входят:

- Осмотр;
- Освидетельствование;
- Следственный эксперимент;
- Обыск;
- Выемка;
- Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления;
- Контроль и запись переговоров;
- Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- Допрос;
- Очная ставка;
- Предъявление для опознания;
- Проверка показаний на месте;
- Производство судебной экспертизы.

Оговоримся – не все процессуальные действия, обозначенные выше, отдельные учёные относят к числу следственных. В частности, О.Я. Баев и

Д.А. Солодов¹⁰² не склонны считать контроль и запись переговоров следственным действием; А.В. Кудрявцева¹⁰³, Ю.Г. Корухов¹⁰⁴ и др. специалисты не считают таковым производство судебной экспертизы и т.д.

Однако, при анализе этических основ производства отдельных следственных действий, мы будем исходить из обозначенного в главах с 24 по 27 УПК РФ перечня, что соответствует разделяемой большинством авторов точке зрения на систему следственных действий.

Итак, анализ положений глав с 24 по 27 УПК РФ позволяет нам выделить следующие нормы, определяющие этические основы производства отдельных следственных действий.

Осмотр

В ч. 5 ст. 177 УПК РФ законодатель говорит о производстве осмотра жилища только с согласия проживающих в нём лиц, либо, при отсутствии такого согласия – на основании судебного решения, что является детализацией нормы-принципы уголовного судопроизводства, касающейся неприкосновенности жилища, которую мы рассмотрели в контексте анализа первого уровня закрепления этических основ предварительного следствия.

Как уже было сказано, данное следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии и изучении любых объектов в целях обнаружения следов преступления и выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, может производиться в жилище без получения судебного решения по согласию проживающих лиц, с учётом минимального вторжения в охраняемую Конституцией РФ сферу.

¹⁰² Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009.

¹⁰³ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбУ МВД России, 2001.

¹⁰⁴ Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе: Практическое пособие для экспертов и судей. – М.: Пресс Бюро, 2012.

При этом, без судебного решения, осмотр в жилище может производиться только при согласии на осуществление осмотра всех проживающих лиц, о чём говорит Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих Постановлений: «на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра»¹⁰⁵ (п. 8).

В связи с необходимостью производства такой разновидности осмотра, как осмотр трупа может потребоваться эксгумация (извлечения трупа из места захоронения), что, безусловно, затрагивает ряд важных этических вопросов, имеющих значение, в первую очередь, для родственников умершего. Поэтому законодатель разрешает произвести эксгумацию на основании постановления следователя об этом лишь тогда, когда близкие родственники или родственники покойного возражают против этого. В противном случае, в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ, эксгумация может быть произведена лишь на основании судебного решения.

При этом, совершенно справедливо решение законодателя о необходимости возмещения родственникам умершего всех расходов, связанных с эксгумацией и последующим захоронением (ч. 5 ст. 178 УПК РФ), что отнесено к числу процессуальных издержек.

Освидетельствование

Производству освидетельствования посвящена ст. 179 УПК РФ. В связи с тем, что данное следственное действие состоит, в том числе, в обнаружении на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, сама процедура производства данного следственного действия сопряжена с нарушением телесной неприкосновенности индивида, с вторжением в его личное пространство, что обуславливает необходимость

¹⁰⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. №19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №7, июль, 2017.

наличия в ст. 179 УПК РФ отдельных этических норм, определяющих границы такого вторжения и гарантии соответствия такого вторжения категориям нравственности.

В ч. 4 ст. 179 УПК РФ предусмотрен особый порядок производства данного следственного действия, если оно сопровождается обнажением лица: при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, а само освидетельствование производится врачом.

Представляется, что не присутствие следователя при обнажении освидетельствуемого лица другого пола является категорическим этическим требованием, которое должно соблюдаться независимо от отношения к этому освидетельствуемому (т.е. даже при его согласии на присутствие следователя).

При этом, вопрос толкования используемой в норме категории «обнажение» остаётся открытым, как и вопрос пола врача, правомочного производить освидетельствование.

В науке высказывается следующая позиция: «освидетельствование следует признавать сопровождающимся обнажением, когда об этом свидетельствуют общепризнанные нормы морали (обнажение ягодиц, половых органов, иных интимных частей тела), а также в иных ситуациях, когда освидетельствуются части тела, обычно прикрытые одеждой, если освидетельствуемое лицо расценивает это как обнажение (обнажение частей спины, предплечий, бёдер и др.)»¹⁰⁶.

Данная позиция представляется верной.

Как отмечается отдельными авторами, «на практике принят следующий критерий обнажения. Он зависит от того, в какой одежде явилось освидетельствуемое лицо. Например, если мужчина пришел в рубашке с короткими рукавами или девушка в мини-юбке, то осмотр видимой части рук

¹⁰⁶ Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. С. 40.

или ног (ссадины, царапины, родимые пятна и т.п.) обнажением не является и вполне допустим. Если требуется хотя бы чуть-чуть приподнять рукав или брючину, то это уже будет обнажением. Тем более обнажением является снятие любой одежды, кроме верхней»¹⁰⁷.

Тем не менее, следование или не следование подобному критерию является усмотрением конкретного должностного лица. Представляется, что во избежание ситуаций, при которых следователь мог бы пренебречь рассматриваемыми в данном контексте морально-нравственными категориями, в ч. 4 ст. 179 УПК РФ следует внести уточнение, обязывающее следователя в разрешении вопросе о наличии, или отсутствии обнажения в конкретной ситуации, учитывать мнение освидетельствуемого, поскольку толкование категории «обнажение», а также допустимость обзора отдельных участков тела лицом другого пола очень сильно зависит от воспитания освидетельствуемого, его национальности, исповедуемой им религии, морально-нравственных устоев его семьи и т.д.

То, что для одного лица допустимо и приемлемо, может не быть таковым для другого человека. Например, нахождение лица женского пола в общественном месте в достаточно открытом платье, открывающим спину, среднестатистический житель России не сочтёт «обнажением» в том смысле, какой вкладывается в текст ч. 4 ст. 179 УПК РФ. Однако, лицо женского пола, исповедующее ислам, вероятнее всего, сочтёт подобное не допустимым (при этом, вторую точку зрения, в силу своего воспитания и следования иным традициям, следователь может не разделять и, более того, считать, как минимум, странной).

Что касается пола врача, который вправе производить освидетельствование при обнажении освидетельствуемого, то законодатель не конкретизирует это, что позволяет некоторым учёным сделать вывод о

¹⁰⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III - IV.

том, что «применительно к производству освидетельствования, сопряженного с обнажением, законодатель разрешил присутствие врача, у которого отличается пол от пола освидетельствуемого»¹⁰⁸.

Однако, регламентируя производство личного обыска, законодатель недвусмысленно указал на то, что специалисты, в случае их участия в данном следственном действии, должны быть одного пола с обыскиваемым лицом (ч. 3 ст. 184 УПК РФ).

Тем не менее, мнение конкретного лица о допустимости обнажения в присутствии врача другого пола, также может быть разным, в зависимости от его морально-этических установок. Игнорирование этого способно также причинить данному лицу нравственные страдания, как и производство освидетельствования, сопряжённого с обнажением, без соблюдения особого порядка. Представляется необходимым в решении данного вопроса также учесть мнение освидетельствуемого и производить освидетельствование, связанное с обнажением с участием врача другого пола только при наличии согласия на это со стороны освидетельствуемого.

Таким образом, в предлагаемой редакции, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. При определении, имеет ли место обнажение в конкретной ситуации, следователю необходимо учесть мнение освидетельствуемого. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого, при наличии согласия освидетельствуемого».

Ещё одна гарантия этического характера, предусмотрена в ч. 5 ст. 179 УПК РФ. В соответствии с ней, любое запечатлевание с помощью визуальных средств (фото, видео и т.д.) хода и результатов производства

¹⁰⁸ Рыжаков А.П. Личный обыск лица, в отношении которого оформляется протокол задержания. Комментарий к статье 93 УПК РФ // СПС «Консультант плюс», 2006.

освидетельствования, сопряжённого с обнажением лица, возможно лишь с согласия освидетельствуемого лица, что следует оценить положительно.

Следственный эксперимент

Следственный эксперимент представляет собой, с учётом положений ст. 181 УПК РФ, следственным действием, состоящим в воспроизведении действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а также в совершении необходимых опытных действий в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, а также получения новых доказательств.

В краткой по содержанию ст. 181 УПК РФ усматривается один аспект, который правомерно рассматривать в качестве этической основы производства следственного эксперимента. Это указание на то, что «производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц».

Данное указание является конкретизацией более общего предписания ч. 4 ст. 164 УПК РФ, относящейся к производству любого следственного действия, о недопустимости создания опасности для жизни и здоровья участвующих в производстве следственного действия лиц.

Судя по всему, что в данном случае речь идёт, в первую очередь, о недопустимости создания опасности для здоровья участвующих в следственном эксперименте лиц посредством тех эмпирических действий, выбор которых обуславливается задачами производства конкретного следственного эксперимента. Помимо этого, сама обстановка места производства данного следственного действия не должна представлять угрозу жизни и здоровью участников следственного эксперимента (угроза обрушения конструкций ветхого здания, сооружения и т.д.)

Обыск

Нормативная регламентация обыска, как следственного действия, сущность которого состоит в осуществлении обследования помещения или иного места либо лица с целью обнаружения и изъятия орудия, оборудования или иных средств совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, предполагает целый ряд аспектов, требующих регулирования в контексте нравственно-этических предписаний.

В соответствии с ч. 5 ст. 182 УПК РФ следователь вправе ограничиться изъятием добровольно выданных предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела и не производить поисковых действий, если нет оснований опасаться их сокрытия. Тем самым, законодатель создаёт разумную возможность избежать вторжения в частную жизнь граждан, посредством обыска.

В ч. 6 ст. 182 УПК РФ содержится указание на возможность при производстве обыска вскрытия любых помещений, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом, как уже упоминалось в контексте анализа общих правил производства следственных действий, законодатель налагает запрет на не вызываемое необходимостью повреждение имущества.

В случае создания общей нормы в рамках ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ, распространяющей запрет о не вызываемом необходимостью повреждении имущества на любое следственное действие, как уже было отмечено, соответствующий оборот «при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» может быть исключён из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ.

Ещё одно требование сугубо нравственно-этического содержания содержится в ч. 7 ст. 182 УПК РФ: «Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной

жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц».

Исходя из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом РФ, в многочисленных Определениях, «в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер»¹⁰⁹.

Соприкосновение следователя и иных лиц, принимающих участие в производстве обыска в жилище, с элементами частной жизни проживающих там лиц (в частности, членов семьи обвиняемого, не имеющих отношения к производству по уголовному делу) налагает на него дополнительную моральную ответственность за сохранность сведений о частной жизни данных лиц и совершенно справедливо, что законодатель перевёл данную ответственность из моральной в ранг юридической, предусмотрев рассматриваемый нами запрет в тексте УПК РФ.

Однако, подход законодателя в данном случае выглядит казуистичным – обстоятельства, связанные с частной жизнью граждан, могут стать известными не только участникам производства обыска, но и иных следственных действий. Тогда почему подобное предписание касается только производства обыска? В этой связи, представляется целесообразным предусмотреть общее положение, аналогичное тому, что содержится в ч. 7 ст.

¹⁰⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. №1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 г. №644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 г. №158-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 г. №248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

182 УПК РФ, включив его в ст. 164 УПК РФ в виде ч. 4.3 следующего содержания: «Следователь принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

Сходное по смыслу предложение высказывалось и в некоторых других работах¹¹⁰.

В качестве меры, направленной на неразглашение вышеназванных сведений о частной жизни граждан, следователь, в первую очередь, может использовать предупреждение о неразглашении данных предварительного расследования в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. С учётом возможности привлечения лица, разгласившего такие сведения, к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, указанная мера представляется достаточно существенным средством воздействия.

Что касается производства личного обыска, ч. 3 ст. 184 УПК РФ предусматривает в качестве нравственно-этического правила производство личного обыска только лицом одного пола с обыскиваемым и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

Данное правило сходно по своей сущности с правилом, применяемым при производстве освидетельствования, сопровождаемым обнажением лица, рассмотренным выше.

Контроль и запись переговоров

Применительно к контролю и записи переговоров, как следственному действию, осуществляемому на основании судебного решения, ввиду вторжения в тайну частной жизни граждан, законодатель счёл необходимым

¹¹⁰ Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015.

сформулировать отдельное этическое требование, направленное на соблюдение конфиденциального режима доступа к сведениям, полученным и зафиксированным в результате его производства. Речь идёт о фонограмме.

В соответствии с ч. 8 ст. 186 УПК РФ: «фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании».

Тем самым создаются условия, при которых обеспечивается защита информации о частной жизни, содержащаяся в фонограмме, от разглашения.

Допрос

Допрос является одним из самых распространённых и востребованных следственной практикой следственных действий и с учётом его специфики предполагает соблюдение достаточно большого числа нравственно-этических предписаний, предусмотренных законодателем в качестве обязательных к исполнению требований.

При этом, данные требования, касающиеся производства допроса, отражены не только в части 2 УПК РФ «Досудебное производство», но и в части 1 УПК РФ «Общие положения».

В частности, ч. 4 ст. 56 УПК РФ предусматривает право свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Право отказаться свидетельствовать против самых близких людей имеет глубокое моральное содержание, поскольку имеет в своей основе любовь к родным и близким – одну из базовых, фундаментальных этических категорий. Принуждение кого-либо свидетельствовать во вред самым близким для индивида людям, если

бы подобное нашло своё закрепление в правовых нормах, было бы в корне аморальным.

В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ, не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Данное положение УПК РФ также носит ярко выраженный нравственно-этический характер.

С данным положением УПК РФ пересекается ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹¹¹, в соответствии с которой «тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди».

Данная проблема рассматривается в некоторых научных публикациях. Например, А.В. Пчелинцев пришел к выводу, что тайна исповеди носит «относительно абсолютный характер»¹¹² и при необходимости может быть нарушена при возникновении опасности фундаментальным ценностям человечества.

Нормативное положение, имеющиеся по данному поводу, вызывает вопросы: о каких именно священнослужителях ведётся речь в ст. 56 УПК РФ? Можно ли распространить данные положения на священнослужителей широкого спектра религиозных организаций?

Действующее законодательство не даёт пояснений, что из себя представляет исповедь и каким образом священнослужитель может использовать данное право. Не совсем ясно, в каких случаях и какие именно представители религиозных организаций могут отказаться давать свидетельские показания. Также возникает вопрос, допустим ли допрос

¹¹¹ Федеральный закон от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. №39. Ст. 4465.

¹¹² Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди // Законодательство и экономика. 2011. №5. С. 58.

священнослужителя в том случае, если он сам желает дать свидетельские показания?

Важно заметить, что 29.06.2004 г. Конституционный Суд РФ в постановлении №13-П указал, что из Конституции России и УПК РФ «не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу»¹¹³.

Отмеченное позволяет сделать вывод о возможности священнослужителя дать показания, связанные с тайной исповеди, если он изъявит такое желание, будучи предупреждённым о возможности использования данных показаний в процессе доказывания.

Как отмечает в своей работе Д.В. Кузнецов, «в настоящее время законодательное закрепление свидетельского иммунитета священнослужителя на практике воспринимается несколько формально. Вышеизложенные положения связаны с религиозными культурами, которые в России являются доминирующими. В то же время не следует забывать, что в рамках современных тенденций развития российского государства на территории нашей страны стало появляться все больше представителей нетипичных для российской общественности религиозных культов. Вопрос, каким образом будут рассматриваться их учения об исповеди в случае применения к ним правовых механизмов, связанных с защитой тайны

¹¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. №4, 2004.

исповеди, на практике зачастую зависит от религиозных познаний правоприменителя (дознавателя, следователя)»¹¹⁴.

Представляется, что возникновении спорных моментов о наличии свидетельского иммунитета, для его подтверждения правоприменитель может руководствоваться фактом официальной регистрации священнослужителя и рассматривать его как действующего лишь при представлении соответствующей документации. Факт существования института исповеди такому священнику придется подтверждать при допросе самостоятельно.

Н.Ю. Волосова предлагает дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ уточнением: «Священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, - об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов, схожих с покаянием»¹¹⁵, - предоставив рассматриваемый иммунитет сотрудникам всех официальных религиозных организаций, а не только определённой категории священнослужителей.

Данное дополнение стоит поддержать. В таком виде свидетельский иммунитет можно будет распространять на любого священнослужителя религиозной организации, официально действующей на территории страны, уполномоченного в рамках религиозного учения осуществлять обряд, связанный с покаянием лица, совершившего правонарушение.

Анализируя положения главы 26 УПК РФ, в контексте нравственно-этических установлений, нельзя не обратить внимание на нормы, регламентирующие продолжительность допроса: для совершеннолетнего допрашиваемого – 4 часа непрерывно и 8 часов в течение дня, с перерывом не менее чем на час для отдыха и приёма пищи (ч. 2 и 3 ст. 187 УПК РФ).

¹¹⁴ Кузнецов Д.В. Особенности свидетельского иммунитета священнослужителей различных религий и культов в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №3. С. 378.

¹¹⁵ Волосова Н.Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №3 (178). С. 91.

В соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ, для несовершеннолетних допрашиваемых продолжительность допроса дифференцирована в зависимости от возраста, что вполне оправдано:

- до семи лет – 30 минут непрерывно, 1 час в течение дня;
- от семи до четырнадцати лет – 1 час непрерывно, 2 часа в течение дня;
- от четырнадцати до восемнадцати лет – 2 часа непрерывно, 4 часа в течение дня.

Тем самым, законодатель учёл возрастные особенности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, создав соответствующие этические основы производства допроса без угрозы причинения вреда чрезмерно длительным допросом физическому и психическому здоровью личности, которая в силу возраста не полностью сформирована в физическом и психическом плане.

Ещё одной этической гарантией бережного отношения к несовершеннолетним выступает предусмотренное ч. 1 ст. 191 УПК РФ обязательное участие педагога или психолога в производстве допроса (а также очной ставки и проверки показаний) с участием несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет (либо, если лицо достигло указанного возраста, но страдает психическим расстройством или отстаёт в психическом развитии). А если такое лицо принимает участие в производстве по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности – обязательным является участие в производстве вышеназванных следственных действий психолога.

В ч. 4 ст. 187 УПК РФ сказано о том, что «при наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача», что говорит о создании дополнительных этических гарантий проявления должной заботы о здоровье допрашиваемого, во избежание ухудшения его состояния в процессе производства допроса.

Предъявление для опознания

Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, которое заключается в предъявлении лицу объектов, в целях идентификации одного из них, как воспринимавшегося лицом ранее, по тем приметам и особенностям, которые были обозначены данным лицом во время предварительного допроса.

Объектами опознания, при буквальном толковании ч. 1 ст. 193 УПК РФ могут выступать люди, различные предметы и трупы. Однако, как отмечается в научных публикациях, в качестве объектов при опознании могут иметь место также «животные, жилища, иные помещения»¹¹⁶, «человеческий голос и речь, рукописный текст, запах, участки местности»¹¹⁷ и иные объекты, прямо в тексте ст. 193 УПК РФ не упомянутые.

В контексте нормативного закрепления этических основ производства рассматриваемого следственного действия обращает на себя внимание положение, закреплённое в ч. 4 ст. 193 УПК РФ, касающееся порядка предъявления для опознания трупа (распространяющиеся, как представляется, и на предъявление частей трупа).

По общему правилу, объект опознания предъявляется опознающему в ряду с однородными (сходными) с ним объектами в количестве не менее трёх, что обеспечивает объективность узнавания. Однако, в соответствии с вышеназванной нормой, данное правило не распространяется на труп, который предъявляется для опознания в единственном экземпляре.

Рассматриваемое положение представляет собой одну из этических основ производства анализируемого следственного действия. Отсутствие такого правила противоречило бы общепризнанным принципам этики.

¹¹⁶ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017.

¹¹⁷ Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. С. 116.

Производство судебной экспертизы

Производству судебной экспертизы в тексте УПК РФ посвящена отдельная глава – глава 27, в рамках которой находят своё отражение вопросы, касающиеся назначения и производства судебной экспертизы.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении от 21.12.2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращает внимание судов на «необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле» (п. 1).

Производство судебной экспертизы предполагает следование определённым этическим принципам, что предопределяется самим характером экспертизы. С.А. Шейфер указывал на то особое место, которое занимает судебная экспертиза в системе следственных действий, представляя собой длительную и опосредованную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию¹¹⁸.

Многочисленным проблемам, связанным с назначением и производством экспертиз по уголовным делам, продолжает уделяться внимание в современных монографических исследованиях¹¹⁹.

Следует отметить, что если экспертиза состоит в проведении сравнительного исследования и её целью является идентификация, то «для её обеспечения законом предусмотрено специальное следственное действие –

¹¹⁸ Шейфер С.А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». - М.: Проспект, 2007. С. 59.

¹¹⁹ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2018; Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. – М.: Проспект, 2017; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011 и др.

получение образцов для сравнительного исследования. Речь идет о так называемых экспериментальных образцах (например, почерка, волос, крови, слюны, спермы, других выделений человеческого организма и др.), которые подлежат сравнению с вещественными доказательствами, уже имеющимися в деле»¹²⁰.

Требования этики определяют невозможность применения при получении образцов для сравнительного исследования методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

То есть, применяемые при этом методы, должны не только соответствовать современным научным основам и быть эффективными относительно точности и информативности полученных результатов, но и быть безопасными для жизни и здоровья человека, а также не противоречить существующим представлениям о нравственности.

В ч. 2 ст. 202 УПК РФ законодатель лишь констатирует наличие данного этического требования, связанного с получением образцов для сравнительного исследования, однако, как определить, унижает ли конкретная методика честь и достоинство личности, или нет?

Как отмечается А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским, «достоинство личности - это осознание самим человеком и признание окружающими людьми того, что он обладает достаточной совокупностью этических и интеллектуальных положительных (социально-признанных) свойств. Следовательно, если способ принудительного изъятия образцов так или иначе умаляет названные положительные свойства личности, то он неправомерен. Так, например, нельзя признать законным изъятие образцов способом, объективно ставящим лицо в положение, порождающее у него

¹²⁰ Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017.

чувство стыда, ибо стыдливость есть положительное этическое свойство личности»¹²¹.

К подобным выводам приходит А.А. Березин¹²².

В соответствии со ст. 203 УПК РФ в целях обеспечения производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы предусматривается возможность помещения подозреваемого (обвиняемого) в медицинский или психиатрический стационар, что сопряжено с ограничением конституционных свобод личности и предполагает, соответственно, судебное санкционирование, в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

В науке обращается внимание на отсутствие определённости в круге субъектов, к которым может быть применена принудительная госпитализация для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы.

Законодатель вполне конкретен в отношении подозреваемых или обвиняемых, которые могут быть помещены в медицинское учреждение для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 УПК РФ). В отношении же свидетели и потерпевшего вопрос лишён конкретного ответа.

Как отмечает И.Н. Кондрат, «уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает помещение потерпевшего или свидетеля в медицинский либо психиатрический стационар для производства судебной экспертизы. Однако из содержания п. 4 ст. 196 УПК РФ, закрепляющего обязательность назначения судебной экспертизы в случае, когда необходимо установить психическое или физическое состояние потерпевшего, следует, что

¹²¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2009.

¹²² Березин А.А. Защита прав граждан адвокатом в уголовном процессе. – М.: Статут, 2014.

производство стационарной экспертизы в отношении этого лица в принципе возможно»¹²³.

Однако, подобное ограничение прав потерпевшего если и может быть допустимо с этических позиций, то лишь в узко-определённых целях: например, в целях проверки достоверности его показаний. К подобному выводу приходит и вышеназванный автор.

В науке высказана точка зрения о возможности принудительного помещения потерпевшего, а также свидетеля в медицинское учреждение с санкции прокурора¹²⁴.

Тем не менее, из содержания норм УПК РФ не ясно, допускается ли принципиальная возможность производства стационарной судебной экспертизы в отношении свидетеля, в том числе в принудительном порядке. Думается, что применение такого рода принуждения к свидетелю неправомерно исходя из анализа норм УПК РФ, а также взаимосвязанных с ними положений Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 28).

Следует констатировать, что принудительное стационарное обследование свидетеля не представляется этичным и в силу этого не должно быть допустимо законодателем и правоприменителем.

¹²³ Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015. С. 1.

¹²⁴ Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. С. 120.

Заключение

В заключении работы подведём общие итоги и сформулируем выводы по исследуемой проблематике и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Этические основы предварительного следствия можно определить как: систему принципов, основанную на существующих в цивилизованном обществе представлениях о нравственном, определяющую содержание норм, регулирующих производство предварительного следствия по уголовным делам.

Закономерно, что чем больше то влияние, которое оказывают соответствующие правовые предписания на важнейшие социальные ценности, тем важнее морально-этические основы таких предписаний.

В отличие от других направлений юридической деятельности, именно в рамках уголовно-процессуальной деятельности государством в лице соответствующих должностных лиц, осуществляется существенное ограничение наиболее важных прав и свобод личности. При этом, от итога такой деятельности во многом зависит дальнейшая судьба индивида.

Именно в этих условиях актуализируется широкий спектр нравственных требований, существующих в обществе и предписывающих те границы допустимого, пересечение которых определяет переход от нравственного – к безнравственному, от допустимого – к недопустимому.

Как представляется, наибольшее число вопросов, связанных с категориями морали, возникает именно на этапе предварительного следствия, поскольку здесь происходит активное применение мер уголовно-процессуального принуждения, осуществляется собирание доказательств посредством производства широкого спектра следственных действий, в ходе

чего активно ограничиваются конституционные права и свободы личности и т.д.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что этические основы предварительного следствия определяют нравственные границы уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц, обладающих властными полномочиями, в досудебном производстве, а также выступают в качестве гарантий, защищающих личность, вовлечённую в уголовно-процессуальные правоотношения, от возможных злоупотреблений. При этом, данные основы неразрывно связаны с нормами юридической этики.

Представляется, что нормативное закрепление этических основ предварительного следствия на законодательном уровне осуществлено на двух уровнях процессуальных норм:

1. Нормы-принципы уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства»);
2. Нормы, регулирующие отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия (нормы части 1 УПК РФ «Общие положения» (за исключением гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства»); нормы части 2 УПК РФ «Досудебное производство»).

Анализ содержания главы 2 УПК РФ приводит к выводу о том, что в качестве этических основ первого уровня нормативного закрепления мы можем обозначить следующие нормы-принципы:

1. Законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ);
2. Уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);
3. Неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ);
4. Неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ);
5. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ);

Их особенностью является то, что положения данных норм-принципов, содержащие в себе этические основы производства предварительного следствия, развиваются и детализируются в нормах, регулирующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия.

Что же касается второго уровня нормативного закрепления основ такого рода – норм, регулирующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности на этапе предварительного следствия (норм части 1 УПК РФ «Общие положения» (за исключением гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства»); норм части 2 УПК РФ «Досудебное производство»), то эти положения условно можно разделить на следующие подкатегории:

1. Этические основы применения мер процессуального принуждения на этапе предварительного следствия, среди которых целесообразно выделить этические основы применения мер пресечения и этические основы применения иных мер процессуального принуждения;
2. Этические основы производства следственных действий на этапе предварительного следствия, среди которых целесообразно выделить этические основы, определяющие общие положения производства следственных действий и этические основы производства отдельных следственных действий.

Анализ этических основ применения мер процессуального позволяет выдвинуть следующие предложения, направленные на совершенствование нормативного регулирования в данной сфере.

В частности, перечень правоограничений, обозначенных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, представляется целесообразным дополнить дополнительными запретами, имеющими нравственное содержание, дополнив пунктом 7 и 8 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: «7) употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества; 8) играть в азартные игры».

В изменении, адекватно расширяющем спектр возможностей подозреваемого (обвиняемого) в совершении телефонных звонков, нуждается также ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ. Данная норма, с учётом дополнения, может выглядеть следующим образом: «Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также в иных случаях, обуславливающих необходимость осуществления телефонного звонка во избежание негативных последствий. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для общения с должностными лицами стороны обвинения, контролирующим органом, а также защитником.».

Что касается этических основ производства следственных действий на этапе предварительного следствия, то целый ряд аспектов, связанных с ними, нуждается в совершенствовании.

Следует констатировать, что общие правила производства следственных действий по какой-то причине не содержат требований, направленных на обеспечение сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц при производстве следственных действий, что по своей сути является естественным этическим требованием, обусловленным уважением к праву частной собственности граждан.

Сказанное позволяет высказать предположение о необходимости нормативного закрепления подобного предписания нравственно-этического характера в рамках ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ. Данная норма может быть сформулирована следующим образом: «При производстве следственных

действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

При этом, с учётом формулирования общей нормы, распространяемой на любое следственное действие, соответствующий оборот «при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» может быть исключён из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ.

В целях обеспечения соблюдения нравственно-этических требований, связанных с производством освидетельствования, представляется необходимым внесение изменений в ч. 4 ст. 179 УПК РФ, создающих дополнительные этические гарантии. В предлагаемой редакции, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. При определении, имеет ли место обнажение в конкретной ситуации, следователю необходимо учесть мнение освидетельствуемого. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого, при наличии согласия освидетельствуемого».

Относительно производства обыска, ч. 7 ст. 182 УПК РФ содержит следующее этическое предписание: «Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц».

Однако, подход законодателя в данном случае выглядит казуистичным – обстоятельства, связанные с частной жизнью граждан, могут стать известными не только участникам производства обыска, но и иных следственных действий. Тогда почему подобное предписание касается только производства обыска? В этой связи, представляется целесообразным предусмотреть общее положение, аналогичное тому, что содержится в ч. 7 ст. 182 УПК РФ, включив его в ст. 164 УПК РФ в виде ч. 4.3 следующего

содержания: «Следователь принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

В соответствии со ст. 203 УПК РФ в целях обеспечения производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы предусматривается возможность помещения подозреваемого (обвиняемого) в медицинский или психиатрический стационар, что сопряжено с ограничением конституционных свобод личности и предполагает, соответственно, судебное санкционирование, в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

В науке обращается внимание на отсутствие определённости в круге субъектов, к которым может быть применена принудительная госпитализация для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы.

Законодатель вполне конкретен в отношении подозреваемых или обвиняемых, которые могут быть помещены в медицинское учреждение для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 УПК РФ). В отношении же свидетели и потерпевшего вопрос лишён конкретного ответа.

Представляется, что подобное ограничение прав потерпевшего если и может быть допустимо с этических позиций, то лишь в узко-определённых целях: например, в целях проверки достоверности его показаний.

Что касается свидетеля, то на вопрос о возможности производства в отношении него стационарной судебной экспертизы в принудительном порядке следует ответить отрицательно. Следует констатировать, что принудительное стационарное обследование свидетеля не представляется этичным и в силу этого не должно быть допустимо законодателем и правоприменителем.

Подводя общий итог анализа этических основ предварительного следствия, отметим, что современный уровень их нормативной регламентации позволяет говорить об определённом обеспечении законодателем следования существующим в обществе представлениям о нравственном при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Очевидно, что ни одно процессуальное действие или властное решение, даже обусловленное практической целесообразностью, не может быть аморальным и безнравственным. Тем не менее, нормативное регулирование отдельных этических аспектов применения уголовно-процессуального принуждения, а также производства следственных действий, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список используемой литературы и источников

1. «Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» (ETS №126) (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. №12.
2. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.
3. «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (Заключена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней. Принята Советом Европы 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №12.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №46. Ст. 4532.
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №1. Ст. 16.
12. Федеральный закон от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. №39. Ст. 4465.
13. Федеральный закон от 28.03.1998 г. №44-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. №13. Ст. 1466.
14. Федеральный закон от 01.07.2010 г. №143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. №27. Ст. 3427.
15. Федеральный закон от 18.04.2018 г. №72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. №17. Ст. 2421.
16. Приказ Минюста России №26, МВД России №67, СК России №13, ФСБ России №105, ФСКН России №56 от 11.02.2016 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.03.2016
17. Александров А.С. Пытка как неотъемлемое свойство российского уголовного судопроизводства. URL: <http://>

https://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=News&file=article&sid=254

18. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. №3. - С. 23-25.
19. Апостолова Н.Н. Наложение ареста на имущество по уголовным делам // Мировой судья. 2018. №7. - С. 8-13.
20. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. - 208 с.
21. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. №12. - С. 184-190.
22. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017. - 608 с.
23. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: Проспект, 2018. - 304 с.
24. Березин А.А. Защита прав граждан адвокатом в уголовном процессе. – М.: Статут, 2014. - 160 с.
25. Бурынин С.С. Наложение ареста на имущество как инструмент современного рейдерства // Российский судья. 2019. №4. - С. 13-17.
26. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. №6. - С. 115-125.
27. Вилкова Т.Ю. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2015. №2. - С. 103-107.
28. Власенко Н.В., Иванов А.Н. Отмена наложения ареста на имущество в порядке уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. №4. - С. 54-56.

29. Волосова Н.Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №3 (178). - С. 91-98.
30. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. - 187 с.
31. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. №3. - С. 90-96.
32. Головинская И.В., Гуцин С.В. Особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста в Российской Федерации // Современное право. 2018. №10. - С. 123-130.
33. Дедов Д., Якушев М., Белов С., Головкин Л., Богущ Г., Балытников В., Соболева А., Секретарева Н., Коротеев К. Блокировка Telegram в России: как обеспечить тайну переписки? // Закон. 2018. №4. - С. 18-28.
34. Дикарев И. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. №4. - С. 81-85.
35. Доста Г.В. Особенности применения мер пресечения при расследовании преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Медицинское право. 2015. №2. - С. 34-38.
36. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М.: Юстицинформ, 2009. - 504 с.
37. Зайцева Л.Л. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека

- в правовом государстве: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 9 - 12 ноября 2017 г.). Минск, 2017. - С. 108-112.
38. Закомолдин А.В. Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения // Вестник Самарской гуманитарной академии. «Серия право». 2018. №1. - С. 98-102.
 39. Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. №4 (35). - С. 10-14.
 40. Касимов А.А. Меры пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан // Журнал российского права. 2012. №10. - С. 90-98.
 41. Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. - 176 с.
 42. Колоколов Н.А., Потапова А.В. Наложение ареста на имущество: анализ судебной практики // Исполнительное право. 2011. №3. - С. 20-31.
 43. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. Т. 4. - 278 с.
 44. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015. - 176 с.
 45. Корнуков В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. №4. - С. 597-602.
 46. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. - 136 с.

47. Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе: Практическое пособие для экспертов и судей. – М.: Пресс Бюро, 2012. - 79 с.
48. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбУ МВД России, 2001. - 41 с.
49. Кузнецов Д.В. Особенности свидетельского иммунитета священнослужителей различных религий и культов в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №3. - С. 377-381.
50. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. – М, 1964. - 138 с.
51. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М.: ВШ МВД СССР, 1969. - 178 с.
52. Манова Н.С. Уголовный процесс. Курс лекций. – М.: Эксмо, 2010. - 400 с.
53. Машинская Н.В. Право на неприкосновенность личности в современном уголовном судопроизводстве: содержание и пределы действия // Адвокатская практика. 2018. №6. - С. 15-17.
54. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. - 1056 с.
55. Обаева Е.В. Социокультурный анализ нравственных регулятивов в трансформирующемся российском обществе: дис... канд. социолог. наук. – Ростов н/Д, 2006. - 20 с.
56. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. - 797 с.
57. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017. - 444 с.

58. Потехина Е.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. - 22 с.
59. Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди // Законодательство и экономика. 2011. №5. - С. 58-61.
60. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. - 576 с.
61. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011. - 464 с.
62. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2. - С. 16-31.
63. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: Курс лекций. - М., 2007. - 574 с.
64. Рыжаков А.П. Личный обыск лица, в отношении которого оформляется протокол задержания. Комментарий к статье 93 УПК РФ // СПС «Консультант плюс», 2006.
65. Рябинина Т.К., Снегирева Д.Е. О некоторых проблемных аспектах применения новой меры пресечения - запрета определенных действий // Мировой судья. 2018. №12. - С. 25-32.
66. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «Консультант плюс», 2012.
67. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2009. - 992 с.

68. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: КНОРУС, 2008. - 704 с.
69. Смолькова И.В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. №6. - С. 11-14.
70. Стародубова Г.В. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого: объективная основа и субъективная оценка // Российская юстиция. 2017. №12. - С. 62-64.
71. Таран А.С. Вопросы непосредственного применения судами Конституции РФ для защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2. – Тольятти, 1998. - С. 71-82.
72. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. – М.: Проспект, 2017. - 128 с.
73. Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. – М.: Юриспруденция, 2010. - 136 с.
74. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2004. - 800 с.
75. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III - IV. - 912 с.
76. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. В.И. Радченко. – М.: Юстицинформ, 2006. - 784 с.
77. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2007. - 575 с.
78. Челохсаев О.З. Некоторые проблемы правовой регламентации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. №12. - С. 18-20.

79. Чернышев М.А. Актуальные вопросы осмотра места происшествия в жилище // Актуальные проблемы российского права. 2008. №2. - С. 248-253.
80. Чуниха А.А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. - 22 с.
81. Шейфер С.А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». - М.: Проспект, 2007. - С. 56-59.
82. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. - 208 с.
83. Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. №12. - С. 123-130.
84. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. №4, 2004.
85. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 г. №27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 2011. №51. Ст. 7552.
86. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 г. №25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной

- ответственностью "Аврора малоэтажное строительство" и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Российская газета. 2014. 31 октября.
87. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. №345-О «По жалобе гражданки Бегченковой Ольги Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
88. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 г. №248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
89. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 г. №158-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
90. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 г. №644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
91. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. №1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна

- Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
92. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. №1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
93. Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. №2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
94. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. №3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
95. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. №19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №7, июль, 2017.
96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. №50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых

- вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №1, январь, 2016.
97. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (преамбула) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. №2.
98. Постановление Московского городского суда от 16.07.2010 г. №4у/2-5067 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
99. Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012.
100. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.
101. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008.
102. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.
103. Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002.
104. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.